сетевой научный журнал ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 5 | № 2
Volume 5 | 2019

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor) Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

Том 5. № 2. 2019

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 5. № 2. 2019

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

***

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – ***председатель редакционной коллегии***

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: Elena N. Motovnikova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

Executive Secretary: Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

***

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – ***Chairman***

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Факультета гуманитарных наук / Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Философского факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Faculty of Humanities / the School of Philosophy, of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2019
© Belgorod National Research University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Хершак Э. Либеральный капитализм и Хорватия	**4**	**Hershak E.** Liberal capitalism and Croatia	**4**
Цветкович С. Русская музыкальная эмиграция в сербской провинции: русский вклад в развитие музыкальной жизни в Нише в период между Первой и Второй мировыми войнами	**14**	**Cvetkovic S.** The Russian musical emigration in the Serb province: Russian contribution to the development of musical life in Niš between two World Wars	**14**
Маркович Д. С., Благоевич Н. Д. Образ медведя в восприятии русских и сербов (Опыт сравнительной типологии на материале некоторых жанров фольклора)	**23**	**Markovich D. S., Blagojevich N. G.** Image of a bear in perception of Russians and Serbs (experiences of comparative typology on the material of some genres of folklore)	**23**
Хабибуллаева Ф. К. Этнокультурный комментарий как эффективный способ воссоздания национального своеобразия при переводе	**32**	**Khabibullaeva F. K.** Ethnocultural comment in translation as an effective method of recreating national identity	**32**
АРХИВ		**ARCHIVE**	
Денисова И. В., Лю-Ку-Тан В. А. Ф. М. Россейкин: жизнь и деятельность (по материалам архивов)	**38**	**Denisova I. V., Lyu-Ku-Tan V. A.** F. M. Rosseykin: life and activity (based on archive materials)	**38**
Хамраева Т. Р. Историко-краеведческая деятельность статистических комитетов Туркестана (вторая половина XIX – начало XX вв.)	**46**	**Hamraeva T. R.** Historical-regional studies activity of the statistical committees in Turkestan (in the second half of the 19th – early 20th centuries)	**46**
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		**MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**	
Бёрджесс Д. П. Святость и свобода: взгляд Павла Флоренского	**55**	**Burgess J. P.** Holiness and freedom: the view of Pavel Florensky	**55**
Купчичев С. С. Сценическое тело (заметки к «Театральной антропологии» Э. Барбы и Н. Саварезе)	**60**	**Kupchichev S. S.** Stage body, or jubilee notes to “Theater anthropology” (re)constructed by Eugenio Barba and Nicola Savarese	**60**

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 111.12 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-1**

Хершак Э.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ХОРВАТИЯ

Загребский университет, пл. Хорватской Республики, д. 14, г. Загреб 10000, Республика Хорватия; *ehersak@gmail.com*

Аннотация. Автор рассматривает отдельные культурные особенности хорватов в исторической ретроспективе в аспекте влияния их на экономический рост и развитие страны. В статье с точки зрения культурной антропологии представлено видение причин того, что продвижение идей либерального капитализма и модели поведения «homo oeconomicus» в современной Хорватии, в зоне вхождения страны в Еврозону и в Европейский союз, не привело к улучшению благосостояния населения. На примере фактора религиозной идентичности автор дает экспертный сравнительный анализ ситуации в Хорватии с ситуацией в других католических и православных странах, а также в странах, где распространено протестантское мировоззрение. В работе делается вывод о необходимости учета культурно-этнологических особенностей народа при трансфере каких-либо глобализационных тенденций в национальную хозяйственную систему и об основополагающей роли культурного кода для восприятия каких бы то ни было ценностей, в том числе и ценностей либерального капитализма. По мнению автора, ключ к решению проблемы развития Хорватии лежит в области фундаментальной антропологии экономики как всеохватывающей гуманитарной, общественной и естественной науки.
Ключевые слова: либерализм; капитализм; глобализация; экономика; антропология; культура; Хорватия

Для цитирования: Хершак, Э. Либеральный капитализм и Хорватия // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 4-13. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-1

E. Hershak

LIBERAL CAPITALISM AND CROATIA

University of Zagreb, 14 Trg. Republike Hrvatske, Zagreb 10000, Croatia; *ehersak@gmail.com*

Abstract. The author considers the individual cultural characteristics of the Croats in a historical retrospective from the point of view of their influence on the economic growth and development of the country. In this article, the vision of the reasons that the promotion of the ideas of liberal capitalism and the “homo oeconomicus” model of behavior in modern Croatia in the zone of the country's entry into the Eurozone and the European Union did not lead to an improvement in the well-being of the population presented in terms of cultural anthropology. Using the example of the factor of religious identity, the author makes an expert comparative analysis of the situation in Croatia

with the situation in other Catholic and Orthodox countries, as well as in countries where the Protestant world view has spread. The paper concludes that it is necessary to take into account cultural and ethnological peculiarities of the people when transferring any globalization tendencies to the national economic system and the fundamental role of the cultural code for perceiving any values, including values of liberal capitalism. According to the author, the key to solving the problem of the development of Croatia lies in the field of fundamental anthropology of economics as an all-inclusive humanistic, social and natural science.
Keywords: liberalism; capitalism; globalization; economy; anthropology; culture; Croatia.

For citation: E. Hershak (2019), "Liberal capitalism and Croatia", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 4-13, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-1

Около пятнадцати лет назад по стечению обстоятельств я оказался в одном крупном русском городе, расположенном восточнее Уральских гор. Это был мой первый визит в Азию. После того как самолет приземлился на полосу, к нему были поданы пассажирские автобусы, больше похожие на какой-то гибрид трактора. Всё происходило во второй половине октября, который в России намного холоднее, чем в Хорватии, – уже лежали глубокие сугробы снега, – и, когда мы сели в автобус, а он не поехал, то окна тут же заледенели. Не видно было ничего, что происходило снаружи. Вначале преобладала обычная для путников тишина, но затем, по мере того как увеличивалось время ожидания в замерзающем автобусе, всё чаще стали слышны комментарии, ворчание, а затем всё более громкие возгласы возмущения. При этом наиболее типичен был часто повторяемый возглас: «Такое только у нас может быть!» или «Только у нас так!». По этим комментариям я легко мог бы представить себе, что нахожусь в Хорватии. Сколько же раз я слышал подобные слова у себя в стране! Но сейчас я находился в России…

У нас существуют «мыслители», которые утверждают, что между нами и русскими существует огромная разница, так как хорваты являются европейцами на основе своей католической традиции, в то время как русские принадлежат к православию. Акцент на подобных культурологических отличиях делал и американский писатель Хантингтон. Однако фактически, если вникнуть в суть вещей, то окажется, что хорваты намного ближе к русским в культурном (или «цивилизационном») смысле, чем к Западу, о котором говорил Хантингтон (Huntington, 1996). Этот раскол между католическим западным христианством и православным восточным произошел давно, и политические мотивы на этот процесс повлияли в большей степени, чем мотивы идейные. В остальном, независимо от даты формального разделения церквей (в XI веке), настоящее отдаление пришлось на период четвертого крестового похода – как мы знаем, западные крестоносцы в это время захватили и город Задар (по приказу венецианцев), несмотря на то что местное население вышло к ним, как утверждают источники, «распевая церковные песнопения на славянском языке». В более широком (бытовом) смысле еще больший разрыв пришелся на время протестантской реформы, когда фундаментальность предопределения стала важным мотивом в протестантской среде. С культурологической точки зрения или, точнее, с идейно-моральной, католики и православные не отличаются. И в католичестве, и в православии человек всегда может обеспечить свое спасение добрыми поступками в земной жизни, а в протестантизме спасение человека предопределено. В этом специфическом протестантском мире то, будет ли человек спасен или нет, определялось по «показателям», то есть если сегодня у него в корзине много яиц, то это знак, что Бог явил ему свою милость. Такое мировоззрение и его

взаимосвязь с капиталистическими отношениями исследовал Макс Вебер (Weber, 2013). Протестантская этика гарантировала успех капитализма в своей крайней ипостаси в соответствии с пониманием «предначертанной судьбы».

Таким образом, в России и в Хорватии существует схожее мнение о своих странах, и, будь то католический или православный мир, славянский мир или неславянский, они ближе между собой «цивилизационно», чем с протестантским Западом. И это позволяет сейчас сформулировать вопросы о том, почему западные идеи не работают в наших странах.

В период социализма мы могли сказать, что причины имеют политический характер. Сейчас всё по-другому. Но даже и до падения социализма такие страны, как, например, Италия и Испания, не могли равняться с Германией по своим успехам. Можно сказать так: Германия не является в полной мере «протестантской» страной, но очевидно, что люди, которые ее создали (например, Бисмарк) и ее доминирующая идеология следовали обозначенной Вебером этике даже в большей степени, чем в других западных странах. Сегодня это хорошо заметно в Еврозоне, где немцы наиболее выгодно реализуют свои преимущества, в то время как все другие страны в этой ситуации их теряют.

Более глубоко в основы протестантской этики или в религиозные концепции мы погружаться не собираемся. Для нас важно только отметить, что всё это, в том числе и концепция предопределенности спасения, базировалось на акцентировании рациональности и индивидуализма, который на Западе являлся фундаментом либерализма, а затем либерального капитализма. Подобным же образом развивалась и экономика, и это привело к тому, что в конце XIX – начале XX вв. сформировалась западная модель поведения «homo oeconomicus», которая предполагала реализацию экономического планирования посредством логики и математики. Однако принимая во внимание все особенности Хорватии, которые свидетельствуют о ее преимуществах – высокий уровень образованности среди населения, выгодное географическое положение, наличие природных богатств, небольшое население и прочее, что должно было бы ускорить перемены к лучшему, – хорваты должны себя спросить, почему им не удалось достигнуть высокого уровня развития своей страны.

Этот вопрос является ключевым и сегодня, и уже давно – с тех пор как рыночная экономика стала не просто дополнительным преимуществом, но главной целью политики государства. Во времена феодализма ситуация была несколько другой, так как, хотя феодализм имел и экономические основы, всё же те, «кто молился» и те, «кто воевал», имели бóльшую моральную ценность по сравнению с теми, «кто работал». Сейчас вопрос о том, почему Хорватия не может развиваться быстро, активно поднимается; ясно, что похожие вопросы, с учетом некоторых поправок на темпы развития, встают во всех странах со схожей культурой от Иберии до Урала, а также на широких русских просторах, которые я упомянул в начале.

В своем труде «Экономика идентичности» Акерфол и Крэнтон говорят о том, что идентичность и моральные ценности имеют основополагающее значение для экономического развития и что модель «homo oeconomicus» не является функциональной (Akerlof and Kranton, 2000). Поэтому, когда мы говорим об идентичности, мы должны задать себе вопрос о том, каковы мы как индивиды и общество. Ни один экономический план, который бы привел к развитию Хорватии, не может быть разработан без учета этого вопроса. Почему западные, а особенно американские, планы не работают в Хорватии – ни частично, ни полностью, – так как будь это иначе, это уже привело бы к значительным переменам? Почему членство в ЕС, который сегодня базируется на либеральном капитализме, также сразу не привело к быстрым позитивным изменениям? И дойдет ли вообще до этого, или же Хорватия навсегда останется зафиксированной на

60 % среднестатистического уровня ЕС, так же как и соседняя Италия, которая не только осталась на фиксированном уровне, но и обеднела, поскольку, несмотря на то, что эта страна производит очень высокие на душу населения отчисления в фонды ЕС, имеет до такой степени малую отдачу, что сегодня отнесена к группе стран PIIGS с самыми слабыми экономиками в регионе Еврозоны!

Необходимо изучать то, каковы хорваты в Хорватии и что мы можем предпринять или изменить, чтобы достичь успеха и развития не только для высокого уровня доходов на душу населения, но и для того, чтобы всё население было счастливо, ибо исследования свидетельствуют, что люди в Хорватии в основном несчастны или пессимистичны. Каковы мы? Почему? Это нужно анализировать, и я бы даже сказал, что антропология культуры имеет в этом смысле наибольший потенциал, так как является самой широкой, мультидисциплинарной, из всех наук и в наименьшей степени ориентирована на модель «homo oeconomicus».

Трудолюбивы ли мы по природе? Посмотрев на Хорватию, мы заметим существенные отличия между округами (жупаниями). Например, к концу Второй мировой войны Чаковец и Имотски имели близкий уровень доходов на душу населения и оба находились у границ развитых округов. И один, и второй многих своих жителей отправляли на заработки за границу. Но эффект был таков, что Чаковец превратился в развитый центр Меджимурского округа, в то время как Имотски в своем развитии остался примерно на том же уровне. История Меджимурской жупании говорит о большом влиянии протестантизма в XVI веке и в первой половине XVII века, поэтому в этом крае сформировалось особенное трудолюбие, которое всегда отличало его даже от соседнего Хорватского Загорья. Имотский край находился вблизи венецианской и османской, а затем габсбургской империи и восточной среды влияния, а помимо этого был носителем динарско-балканской этики, частично прославленной в эпосе «благородных разбойников». Известно, что тут когда-то было развито «профессиональное» попрошайничество, в отличие от севера Хорватии, а поскольку необходимо было демонстрировать и свои успехи, то ставка делалась более на случай, чем на что-то фундаментальное; поэтому в Имотски мы можем и сегодня видеть крупные банки, но не признаки высокого развития. Это не означает, что меджимурская культура превосходит имотскую – на севере до сих пор имеют место серьезные проблемы, проявляющиеся, например, в высоком уровне бытового алкоголизма, в то время как на юге ценится умение реализовать себя в поэзии, в идеях, в семейных отношениях и прочая.

Я упоминал уже об оттоке рабочей силы за границу. В целом хорваты (или лица родом из Хорватии) показали себя весьма успешными в зарубежных странах. Они заселили дальние края, например, город Пунта-Аренас в Чили, работали в рудниках Северной Америки, показали себя как ценные работники во времена «гастарбайтерского» периода в Германии и т. д. Кое-где отдельные мигранты стали успешными капиталистами, но в целом их успех обусловлен хорошей исполнительностью. Хорваты показали себя как весьма ответственные и старательные «слуги» в иностранной среде, но не у себя на родине. Почему?

Вспоминается хорватская пословица о господской туфле на холопской ноге. Эта идея подчиненности, по моим личным оценкам, получила распространение в Хорватии с конца XVII века, большей частью вследствие тогдашней габсбургской политики. Тогда мы потеряли самых знатных магнатов, таких как Зринские и Франкопаны, которые, хотя и думали в основном о своем личном статусе, однако имели большое влияние на хорватскую национальную культуру того времени. Габсбургские князья не считали своей обязанностью радеть об объединении хорватских и славонских территорий, как и о реальном освобождении хорватской земли, – его осуществляли сами хорваты, такие как священник Марко Месич, организовавший восстание в Лике, и монах Лука Ибришимович в Славонии. Произведение Павла Вите-

зовича «Croatia rediviva» не потеряло своей актуальности, и именно в ходе долговременного развития взаимоотношений с Габсбургами всё больше формировался менталитет пограничья, окраины, или подчиненности, что привело к появлению пословиц о «холопских ногах». Говоря точнее, некоторые позитивные изменения пришлись на время национального возрождения в XIX веке, но после этого имело место интереснейшее противоречие: чем тверже хорваты занимали положение части развитого Запада, тем больше они сами себя в новом окружении считали подчиненными, а в конце концов, и Независимое государство Хорватия стало формой подчинения доминированию Гитлера, что привело к полному дисбалансу между основами хорватской самостоятельности и взаимосвязями с другими странами.

Проблема Независимого государства Хорватии снова заставляет задать вопрос о характере населения Хорватии. В этом государстве имело место насилие, ужасные примеры которого лежат также и на совести партизан, что используют сербские националисты со времен войны в Хорватии в качестве основания для высказываний о жестокости хорватов. И действительно, среди хорватов было много жестоких людей, но это нельзя рассматривать как общую характеристику народа. Законы и действия Независимого государства Хорватии, которые привели к трагическим событиям, как и отдельные законы и действия коммунистов (во всем коммунистическом мире), в действительности проистекали из общей логики, корни которой, как это ни звучит парадоксально, находятся в рациональном мышлении периода XIX и начала XX века, в соответствии с которым успех и счастье большинства за счет меньшинства (или за счет аутсайдеров общества) провозглашались целью успешных государств. Маркс оперировал этой логикой в XIX веке, а русские большевики довели ее до крайности в веке XX, что нашло яркое отражение в борьбе с религией. Однако вера в эту рациональность приводила к тому, что многие большевики признавали свою вину при выносе приговора и принимали высшую меру наказания, чаще всего для того, чтобы не предать свои идеалы. Таким образом, коммунизм стал религией, хотя именно против нее он боролся. Вспомним критику, которую высказал Евгений Замятин в 1920 году в своей книге «Мы» о так называемом «мире единого государства» в будущем против «ярма разума» и о «счастье нумера» (Zamyatin, 2009). Однако Замятин говорил не только об учениях марксизма или большевизма, но и о различных явлениях Запада. Ведь и на Западе в XIX-XX веках развивались идеи, которые привели к официальной политике евгеники в США и в других странах, и даже к финансированию в Германии подобных исследований, которые затем нацисты развили до крайней меры.

Мы, по-видимому, несколько отошли от нашей темы, но нам важно подчеркнуть некоторые моменты. Ни хорваты, ни жители Восточной Европы не были по своей сути более жестокими, чем жители Запада, как это провозглашалось в ряде высказываний, звучавших на протяжении последних столетий. К жестокости приводила политическая логика, которая утверждала приоритет интересов государства над интересами личности. В англо-американском мире это часто связывают с идеями и логикой произведения Макиавелли «Государь», хотя в заключении своей книги Макиавелли обозначил, что его целью является объединение Италии, а это говорит больше о его чувствах, чем о его рациональности (Machiavelli, 1995). При этом и в протестантских странах люди не оставались без чувств, базирующихся на их верованиях. Сопротивление католичеству привело к хорошо известному явлению «черного террора» испанской инквизиции и к феномену испанских конкистадоров в Новом Свете (см. тексты Де лас Касаса (De Las Casas, 1992)), что и сегодня часто ставит их потомков в неловкое положение, хотя всё это произошло очень давно. Несмотря на фундаментальность этих идей, мы сегодня знаем, что испанцы «по своей природе» были не более жестокими, чем англичане, а за-

тем американцы, французы, немцы или австрийцы, русские, китайцы и другие известные завоеватели своего времени[1]. Можно сказать, что в этом смысле хорваты никогда не были «завоевателями».

Действительно ли это так? Широко известно следующее высказывание из трудов Константина VII Багрянородного: «Эти принявшие христианство хорваты не очень охотно воюют за пределами своих земель, так как имеют какое-то пророчество или завет от Папы Римского Агафона, который в период правления Царя Ираклия, Царя сербов, греков и болгар (и албанцев), послал священников, чтобы крестить их. После того как хорваты приняли христианство, они дали письменное обязательство и нерушимую клятву Святому Петру о том, что они никогда не будут с оружием в руках идти в чужеземные страны, но будут жить в мире со всеми, кто желает этого, – взамен они получили это папское благословение» («Об управлении империей», глава 31) (Moffatt and Tall, 2012). Однако необходимо отметить, что именно в период правления Константина VII Багрянородного хорваты являлись союзниками Византии. Король Томислав, близкий союзник Византии, в 926 году разгромил болгарское войско Царя Симеона I, предводителем которого был князь Алогоботур, что было записано в целых шесть средневековых летописей и является самым точным свидетельством о крупнейшем военном событии средневековой Хорватии[2]. И позднее, при Држиславе, хорватская корона и ее скипетр были доставлены из Константинополя, а это много говорит о положении хорватов в тот период[3]. В это время хорваты на самом деле были «мостом», связующим звеном между европейским востоком и Западом, что нашло соответствующее отражение в нашей культуре. Но нельзя сказать, что на протяжении всех веков никто из хорватов не принимал участия в европейских завоевательных операциях. Ратники или военные из Хорватии участвовали в тридцатилетней войне (именно тогда появилось французское слово «chravat» в качестве названия галстука), в войнах Наполеона, во Второй мировой войне, в нацистском походе на Сталинград, а сегодня они задействованы в военных операциях НАТО в Афганистане и других странах, что можно интерпретировать как некую форму империализма. С исторической точки зрения, когда хорваты отправили своих солдат в Афганистан, они нарушили свою клятву Святому Петру.

Однако вся эта история проецируется на сегодняшние успехи развития Хорватией связей с «Западом». При этом так называемый Запад не является ни Западом Европы, ни Западом в культурно-религиозном смысле, и даже больше, после второй мировой войны он является не протестантским Западом, а англо-американским, возглавляемым США Западом, который, в соответствии с этой моделью либерального капитализма, после окончания холодной войны пытается изменить весь мир в рамках идеи глобализа-

[1] Фактически, в начальный период освоения Америки имело место множество конфликтов между испанцами и коренным населением, и это вызвало критику такого рода насилия, особенно в книге «Краткое описание внутренних территорий Индии» («Brevísima delación de la destrucción de las Indias») (1552), которую написал священник Бартоломе Де лас Касас (1485–1566). На американских территориях, куда прибыли испанцы (кроме Аргентины), многие коренные народы выжили или смешались с испанцами. Более или менее схожий процесс протекал и в Бразилии (бывшей португальской колонии), в то время как коренные индейцы в США и Канаде в основном были истреблены.

[2] Можно отметить, что болгарский царь Симеон I (родился в 864 г. или в 865 г., правил в период 893–927 гг.) был известен как «полугрек», и в свое время именно он отменил славянское письмо глаголицу, разработанную Кириллом и Мефодием, и ввел в оборот греческое прописное письмо (из-за фонетики добавив некоторые элементы глаголицы), которое сегодня неточно называют кириллицей.

[3] Сербская корона, знак власти, была передана из Рима в 1217 году, когда Святой Савва (Растко Неманич) ею короновал своего брата Стефана. Как сказал мне Александр Бошкович, коллега антрополог из Белграда, сербские правители после этого по правилу крестились в восточной и западной церкви и писали письма Папе Римскому с обращением «дорогой брат». Это соответствует тому, что я говорил о разнице между восточной и западной церковью, и снова практически полностью противоположно некоторым актуальным тезисам в Сербии, как и тезисам Хантингтона о цивилизационных границах.

ции[4]. Но что вообще представляет собой «глобализация»?[5]

Американский президент Теодор Рузвельт (1901–1909 г.) выразился в том смысле, что безопасность США зависит о того, как американские ценности «проецируются» за рубежом (Simms, 2013). По сути, это нечто прямо противоположное модели, которой мы могли бы ожидать с точки зрения настоящей «глобализации», рассматриваемой как равноправная и миролюбивая взаимосвязь всего мира на благо всех людей. В соответствии с данной концепцией, для защиты интересов США становится важным представить американские ценности как мировые, а не перенимать некоторую часть мировых ценностей и также «проецировать» их на США. При этом можно сказать, что после окончания холодной войны идея Рузвельта была в большой степени принята в развитых странах Запада, а вскоре и в странах Восточной и Юго-восточной Европы, которые вошли в этот блок. Одновременно с этим произошел «бум» перевода документов, научной и иной литературы на английский (в основном) язык, причем в Хорватии даже научно-проектная документация должна была быть написана на английском, что нельзя признать нормальным, так как речь идет о хорватских проектах, которые финансируют граждане Хорватии, а они, в соответствии с Конституцией, не обязаны знать иностранные языки.

[4] Что собой в целом представляет «Запад»? Я уже обозначил, что разницы между католической и православной Европой не существует, так как гораздо большая разница в ценностях и пр. имеет место между протестантской средой (по Веберу) и католико-православной. Однако в более широком смысле в понятие «Запад» мы можем включить все религиозно-культурные авраамические цивилизации: иудаизм, христианство и ислам. И хотя ислам сегодня пытаются классифицировать как восточную религию, на самом деле она является западной, а некоторые современные конфликты между «исламскими экстремистами» и западной культурой можно обозначить как внутренний конфликт Запада в широком смысле. Отличие между западными и восточными культурами и верованиями уходит корнями в глубокую древность, к моменту возникновения новых цивилизаций. Как мне кажется, Шумерская цивилизация принадлежала к западной модели, очевидно, в отличие от ранней индийской и предшественников китайской. В индоевропейском контексте раскол, вероятно, произошел после разделения индоиранского сообщества. Тогда и Индия шаг за шагом стала «индоарийской», что впоследствии привело к формированию буддизма, в котором не существует «особенного Бога» и таким образом понятие индивидуальности является иллюзией. Напротив, в Иране почитаемый Заратустра выделил личность Ахýра-Мáзды, верховного Бога, и это потом, во время правления персидского царя из династии Ахеменидов Кира Великого (559–530 гг. до н. э.), оказало влияние на иудаизм (в Ветхом Завете он описан как первый божий мессия), а затем и на христианство (вспомним только, что «три волхва», которые появились после рождения Иисуса, были «магами», то есть последователями маздаизма), а затем так же сильно повлияло и на ислам. И здесь заключено фундаментальное отличие: в западных религиях выделяются личность и индивидуальная связь с Богом, в то время как в восточных религиях божественная сила и мудрость всеобщи (а боги даже являются порой смертными существами, как, например, Индра в индийских преданиях), поэтому, если индивидуум и удаляется от общего сознания и смысла жизни посредством укрепления своей индивидуальности, она остается иллюзией. Это та разница в миропонимании, что разделяет Запад и Восток, но ни в коей мере не христианство и ислам, которые одинаково принадлежат к Западу. Более того, эта разница повлияла на позитивные шаги к экуменизму, которые были обозначены со времен Папы Римского Иоанна Павла II. (Karol Józef Wojtyła, находился на папском престоле с 1978 по 2005 год). Папа Римский Иоанн Павел II не имел никаких проблем в отношении к исламу, но по отношению к буддистским понятиям эти проблемы у него были. Я говорю об этом, чтобы подчеркнуть фундаментальное отличие между Западом и Востоком, поскольку исламская вера, культура и прочая, во всяком случае, не являются восточными, как об этом иногда говорят. Но и Запад имеет свои культурологически-ценностные ограничения, которые провоцируют напряженность и нарушают общее взаимопонимание и взаимодействие культур подобно восточно-африканским геологическим разломам.

[5] Мысли о «настоящей глобализации» я впервые услышал от представителя Ватикана во время Первого Глобального форума по миграции и развитию (Global Forum on Migration and Development, GFMD), организованного ООН в Брюсселе 9–11 июля 2007 года, на котором я тогда представлял Республику Хорватию. Эта концепция стала для меню ключевой, хотя на том форуме я еще не мог сказать ничего конкретного. Однажды возник вопрос об определении миграции и развития, и я попытался дать ответ, схожий с мнением, выраженным представителем Ватикана, в части того, что миграцию нельзя свести исключительно к экономическим факторам (в соответствии с идеей о «homo oeconomicus», хотя тогда я еще не перевел и не прочитал работы Акерфлота и Крантонице). Но когда я высказал свои соображения, наступила тишина с неким кратким «хммм…», после чего дискуссия была продолжена. Позже в хорватском посольстве в Бельгии мне сказали: «Разве вы не знали, что реакция будет именно такой?» Я признался, что предполагал, однако всё же не чаял, пока ожидал своего выступления в выстроенной в алфавитном порядке очереди (Croatia = C) и смотрел через стол на главного советника ООН и председателя Еврокомиссии. Кто кого, таким образом, слушает?

Серьезная проблема, разве нет? И снова мы продолжаем в Республике Хорватия говорить о «туфлях на холопской ноге», только теперь они могут быть не из Вены, а из США. Наше телевидение всё время твердит о том, как много людей эмигрирует из Хорватии, при этом даже Канада упоминается как «земля обетованная». То, о чем не говорится, – это то, что Канада, которая имеет большой приток населения, также имеет и большой отток (в пять раз больший по сравнению с притоком населения в США), так как трудоустроиться можно, в основном, только в северной части страны, в то время как уровень безработицы в главных городах, таких как Торонто, больше, чем в Загребе. Но об этом на хорватском телевидении не говорят. Это нарушило бы актуальные идеологические перспективы в связи с либеральным капитализмом. Не говорят и о том, что Хорватия, несмотря на эмиграцию населения, по статистике имеет больший процент притока населения, чем Германия, даже если речь идет в основном о переселенцах из Боснии и Герцеговины. В соответствии со статистическими данными, еще несколько лет назад Хорватия была иммиграционной страной, а не эмиграционной, хотя именно на эмиграцию чаще всего делался акцент на телевидении и в газетах.

Что-то тут не в порядке. «Только у нас такое может быть» – фраза, которую я услышал в России, но которая и в Хорватии повторяется постоянно. Мы верим в то, что мы неуспешны или, еще хуже, в то, что мы не можем быть успешны, – и это запускает все другие механизмы. При этом существуют законы, которые усложняют предпринимательскую деятельность в Хорватии. Например, закон о налоге на добавленную стоимость (НДС) определяет обязанность продавца реализовать отчисления государству сразу после продажи, но часто случается так, что продавцы не получают плату от покупателя за товар сразу, и хотя по закону они могут потребовать взыскать с клиента средства, такие взыскания могут серьезно отразиться на бизнесе продавца. Более эффективно было бы перечислять в казну НДС после оплаты товара или услуги, но в Хорватии это еще не работает; выплаты запаздывают. Как и в соседней Италии выплаты – также государственные – иногда запаздывают на целый год.

Но всё это законодательные проблемы. Нужно задать себе вопрос о том, откуда власти Хорватии берут законодательные нормы. Очевидно, что некоторые приходят из ЕС, но при этом принимаются ли вообще в рассмотрение общественные и ценностные критерии хорватов? Без размышления об этом, без исследования, едва ли можно рассчитывать на какое-то развитие Хорватии, которая, как я уже сказал, имеет множество условий для быстрого и эффективного роста. Туризм, который часто выделяют, не является единственной и ключевой основой. Необходимо думать о том, каким странам, экономики которых в большой степени основаны на туризме, удалось реализовать экономический скачок. Карибские острова являются одним из примеров, но мы можем найти подобные примеры и в Африке, и в Азии. В Европе те страны, которые смогли использовать туризм для экономического скачка, всегда имели фундаментально развитую промышленность, как например, Австрия, которая намного опережает в туризме и Хорватию, и Италию. Функцией туризма является «витаминная добавка» в экономику, а не ее фундаментальное развитие. Так произошло и в Турции, которая до недавнего времени имела более позитивную экономику. Турция долго ждала членства в Еврозоне и в Европейском Союзе, но ее кандидатура всегда отклонялась (по причинам, о которых лучше не говорить), хотя в конце концов она достигла лучшего компромисса в том смысле, что она сформировала единый рынок в ЕС. Турция и сегодня в основном имеет позитивную экономику по сравнению с Европой и по сравнению со среднеазиатскими странами, использующими языки тюркской группы, она сегодня в достаточной мере демонстрирует рост. Туризм, особенно на побережье Эгейского моря, которое имеет еще и историческое значение,

способствует развитию Турции, но не является его главной основой.

Подводя итог, я хотел бы сказать следующее. Если даже мы говорим только об экономическом развитии, – хотя и общее увеличение уровня счастья населения в Хорватии очень важно (и должно быть), – необходимо серьезно изучить множество ценностно-ориентационных, культурных и идентичностных особенностей среды Хорватии (как и соседних, и родственных территорий). Если мы просто скопируем англо-американские формулы и формулы США, ориентированные на либеральный капитализм, если мы будем читать только их литературу, мы ничего не достигнем. Следует прибавить, что если их культура и язык возобладают над нашим, то результат будет весьма негативным. Наши экономисты, возможно, в совершенстве овладеют английским языком, но вопрос в том, каковы будут экономисты в хорватской среде, и если они эмигрируют за границу, то останется под вопросом, будут ли они там приняты.

В конце концов, я не хочу сказать, что всё, что я написал, представляет собой критику США или даже англо-американского блока в мире. И эта культура многое дала миру, и ее необходимо уважать, а для некоторых людей она может быть особенно интересна, как для других может быть интересна культура Китая, России, Индии. Но, по мнению автора книги «О дивный новый мир» («Brave New World») Олдоса Хаксли, если следовать доминантному образцу американской мечты (что в некотором смысле находится в русле политики Теодора Рузвельта), в будущем люди даже книги не будут читать (чего американский президент не предвидел, но что уже стало частым явлением в США и других странах), а личностные ценности опустятся до уровня Джона Дикаря, который в конце романа повторил слова Миранды из драмы Шекспира «Буря» и повесился в Англии, так как не мог найти свое место в этом «дивном новом мире», с которым он познакомился (Huxley, 1998). В конечном итоге, и американцам, и родственным им культурам так же, как и нам в Хорватии, нужно применить наш взгляд на мир, нам нужно понимать и уважать наши особенности для того, чтобы мы достигли своего счастья и убедились, посредством осознания, что мы реализовали наше жизненное предназначение.

Современные экономические модели развития, к сожалению, больше не ориентированы в этом направлении. И те слова, которые я слышал много лет назад в автобусе после того. как самолет перенес меня по другую сторону Уральских гор, – конечно, снова будут повторяться, если мы не найдем и не применим иной подход. Фундаментальная антропология экономики, или антропология, которая в целом является всеохватной гуманитарной, общественной и естественной наукой, может значительно способствовать такому подходу, поэтому я рекомендовал бы хорватским экономистам серьезно поразмышлять об этом. И наконец, я должен подчеркнуть ключевую важность собственной культуры, так как именно культура является основой для развития... а также для экономики и т. д.

Перевод: В. Н. Ряпухина

Литература

Akerlof, G.A., Kranton, R.E. Economics and Identity // Quarterly Journal of Economics. Vol. 115. № 3. 2000. Pp. 715-753.

Banac, I. The Redivived Croatia of Pavao Ritter Vitezović // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 10. № 3/4. 1986. pp. 492-507.

Constantine VII, De ceremoniis (2 vols., 1829, 1830) / ed. J. Reiske. English translation 'The Book of Ceremonies' accompanying the Greek text in 2 volumes by Ann Moffatt and Maxeme Tall, Canberra, 2012 (Byzantina Australiensia 18).

De Las Casas, B. A Short Account of the Destruction of the Indies. London: Penguin Classics, 1992. 23 pp.

Huntington, S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. 367 pp.

Huxley, A. Brave New World, N.Y.: Harper Collins, 1998. 288 pp.

Machiavelli, N., The Prince and other political writings / Transl. and ed. by Stephen

J. Milner. London: J.M. Dent, 1995. 176 pp.

Simms, B. Europe: The Struggle for Supremacy 1453 to the Present. Harmondsworth: Allen Lane, 2013. 800 pp.

Weber, M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Merchant Books, 2013. 132 pp.

Zamyatin, Y. We. / Transl. by H. Aplin. London: Hesperus Press, 2009.

References

Akerlof, G.A. and Kranton, R.E. (2000), "Economics and Identity" *Quarterly Journal of Economics*, 115 (3). 715-753.

Banac, I. (December 1986), "The Redivived Croatia of Pavao Ritter Vitezović" *Harvard Ukrainian Studies. 10, (3/4), Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*, 492-507.

De Las Casas, B. (1992), *A Short Account of the Destruction of the Indies*, Penguin Classics, London, UK.

Huntington, S. (1996), *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, Simon and Schuster, N.Y.

Huxley, A. (1998) *Brave New World*, Harper Collins, N.Y.

Machiavelli, N. (1995), *The Prince and other political writings*, Translated and ed. by Milner, Stephen J., J.M. Dent, London, UK.

Moffatt, A and Tall, M. (ed.) (2012), *Constantine Porphyrogennetos, The Book of Ceremonies, 2 vols.*, Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, Australia.

Simms, Brendan (2013), *Europe. The Struggle for Supremacy 1453 to the Present*. Allen Lane, Penguin, Harmondsworth, UK

Weber, M. (2013), *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, Merchant Books.

Zamyatin, Y. (2009), *We*, Translated by Aplin, H, Hesperus Press, London, UK.

***Информация о конфликте интересов**: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Хершак Эмиль, доктор наук, профессор, кафедра этнологии и культурной антропологии, Факультет гуманитарных и социальных наук, Загребский университет, пл. Хорватской Республики, д. 14, г. Загреб 10000, Республика Хорватия; *ehersak@gmail.com*

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, директор Института сербского языка и коммуникаций, Белгородский государственный технический университет им. В. Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород 308012, Россия; *viktorer_r@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Emil Hershak, Doctor of Sciences, Professor, Department of Ethnology and Cultural Anthropology, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, 14 Trg. Republike Hrvatske, Zagreb 10000, Croatia; *ehersak@gmail.com*

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD, director of the Institute for Serbian Language and Communication, Belgorod State Technical University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia; *viktorer_r@mail.ru*

УДК 78.03 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-2**

Цветкович С.

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБСКОЙ ПРОВИНЦИИ: РУССКИЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В НИШЕ В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Государственный университет в городе Ниш, Факультет искусств, ул. Кнегине Любице, д. 10, г. Ниш 18000, Сербия; *cvetkos@mts.rs*

Аннотация. Работа посвящена вкладу русской эмиграции в музыкальную жизнь Ниша, города на юго-востоке Сербии, который в период между двумя мировыми войнами представлял собой по отношению к Белграду и другим крупным городам Королевства Югославия (Нови-Сад, Сараево, загреб, Любляна) провинцию, а вместе с тем – в ключе данной проблематики – и мало исследованную территорию. Рассматривая на основе текстов местной печати того периода опыт эмиграции на микроуровне и механизм ее культурной и художественной интеграции в новую среду, мы попытались определить роль русских профессиональных музыкантов и любителей в формировании и развитии различных аспектов музыкальной жизни Ниша (хорового, инструментального, вокального, музыкально-сценического исполнения и музыкальной педагогики). Культурная атмосфера города, которая в предыдущие десятилетия зиждилась на выжившей в условиях многовекового османского доминирования национальный традиции, благодаря бежавшей русской интеллигенции в период между двумя мировыми войнами в значительной мере обогатилась и была осовременена не только элементами русской духовности и художественной креативности, но и тенденциями западноевропейской музыкальной практики.

Ключевые слова: русская музыкальная эмиграция; Сербия между мировыми войнами; Ниш; музыкальные учреждения; хоровая музыка; опера; балет; музыкальное образование

Для цитирования: Цветкович С. Русская музыкальная эмиграция в сербской провинции: русский вклад в развитие музыкальной жизни в Нише в период между Первой и Второй мировыми войнами // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 14-22. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-2

S. Cvetkovic

THE RUSSIAN MUSICAL EMIGRATION IN THE SERB PROVINCE: RUSSIAN CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF MUSICAL LIFE IN NIŠ BETWEEN TWO WORLD WARS

Univeristy of Niš, Faculty of Arts, 10 Kneginje Ljubice, Niš 18000, Republic of Serbia; *cvetkos@mts.rs*

Abstract. The paper discusses the contribution of the Russian emigration to the musical life of Niš, a town in southeast Serbia, which in the interwar period, compared to Belgrade and other major cities of the Kingdom of Yugoslavia (Novi Sad, Sarajevo,

Zagreb, Ljubljana), was a peripheral, therefore, in case of this topic an unexplored area. Researching the experience of the emigration on a micro-level and mechanisms of their cultural and artistic integration in a new environment, based on articles from the local press of this time, we sought to determine the role of Russian professional and amateur musicians in shaping and advancing different aspects of musical life in Niš (choir, instrumental, vocal and stage-music performance and music pedagogy). Cultural environment of the town, which in the previous decades was formed and established on the national tradition, survived under the centuries of Ottoman domination, thanks to the Russian refugee intelligence in the period between the two world wars has greatly enhanced and modernized not only by the elements of Russian spirituality and artistic creativity, but also by the achievements of Western European musical practice.
Key words: Russian musical emigration; Serbia between two world wars; Niš; musical institutions; choir music; opera; ballet; music education

For citation: Cvetkovic, S (2019), "The Russian musical emigration in the Serb province: Russian contribution to the development of musical life in Nišbetween two world wars", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 14-22, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-2

Общественный вклад русской эмиграции в сербскую культуру, искусство и науку в период между двумя мировыми войнами, после полного игнорирования в коммунистической и социалистической Югославии, представляется требующей тщательного исследования исторической и культурологической темой в последние несколько десятилетий (Јовановић, 1996; Јовановић, 2006; Сибиновић, 1994). Роль и значение русских балетных и музыкальных деятелей – оперных певцов, музыкантов-исполнителей, дирижеров, педагогов – в процессе восстановления музыкальной жизни Сербии после Первой мировой войны и ее динамичного развития в годы, предшествующие Второй мировой войне, привлекли внимание многочисленных сербских музыковедов и историков музыки (Арсењев, 1994; Vesić, 2015; Ђорђевић, 2016; Milin, 2003; Мосусова, 1994; Павловић, 1994; Петровић, 1994; Турлаков, 1994). Фактом, однако, является и то, что до сих пор в фокусе внимания работ, посвященных русской музыкальной эмиграции, прежде всего находился столичный Белград как центр югославской и сербской культуры и город, который после Парижа, Берлина и Праги был одним из крупнейших эмигрантских центров в Европе. Различные засвидетельствованные аспекты деятельности русской интеллигенции, помимо Белграда, имеют место в регионе Воеводина, в котором также более или менее длительное время пребывало большое количество русских (Арсењев. Руска интелигенција…; Показаћемо да и овде…; Самовари у равници…).

Жизнь русской эмиграции в небольших сербских городах в период между двумя мировыми войнами всё еще находится в тени большой истории и «белградских русских»[1], что и обусловило наш интерес к Нишу, городу, который в рассматриваемый период, несмотря на свой административный статус центра Моравской бановины, с точки зрения развития культурной инфраструктуры и количества музыкальных учреждений, по сути, являлся провинциальной территорией.

В Нише до начала Первой мировой войны славянская, а особенно русская, традиция, культура и искусство являлись важной сферой идейного влияния. В начале XX века в целях «изучения русского языка и литературы и установления эпи-

[1] «Русские эмигранты в Лесковачком крае после 1917 года» – одна из немногих опубликованных монографий, посвященных русской эмиграции в сербской провинции (Илић, 2003).

столярных связей с русскими родственными учреждениями» был основан Русский кружок[2]. Население края с большим трепетом хранило память о полковнике Николае Николаевиче Раевском, который добровольцем участвовал в сербско-турецких войнах и погиб в окрестностях Ниша в 1876 году. О взаимосвязях русской и сербской православных церквей свидетельствует то, что почти все епископы с конца XIX века окончили Киевскую духовную академию.

Жители Ниша познакомились с культурой русского хорового исполнения как раз в конце XIX века, когда в рамках своей миссии установления национальных и культурных связей между славянскими народами, после концертов в Белграде и городе Смедерево, в 1894 году этот город посетил с гастролями известный высоким уровнем исполнительской интерпретации хор под руководством Дмитрия Агренева-Славянского. Традицию певческого коллектива после смерти Агренева-Славянского продолжила его дочь, Маргарита Дмитриевна, организовавшая в Нише в 1911 году концерт хоровой музыки, программа которого включала произведения русских и славянских композиторов с аккомпанементом оркестра балалаек[3].

В отличие от крупных известных югославских центров, о жизни и работе в период между двумя мировыми войнами относительно малочисленной колонии русских эмигрантов в Нише, которая, по данным 1920 года, насчитывала около пяти сотен человек[4], сохранилось мало свидетельств. До сих пор исследователи сосредотачивали свое внимание на деятельности русских художников (Дрча, 2001) и вкладе инженеров и архитекторов в реконструкцию разрушенного войной города и его модернизацию (Кековић, 2006).

Музыкальная деятельность русских эмигрантов в Нише была встречена с одобрением и симпатией, характерной для восприятия славянской культуры и искусства. О русских говорили как о «сынах мистического, душевного народа», отмечалась, что «русская душа исполнена церковной мистикой», «красотой народных песен», «интеллектуальной и культурной связью братских сербского и русского народов», в то время как русская духовная музыка воспринималась как «символ символов и сущностное выражение православной религиозности»[5].

История хорового пения в Нише в период между Первой и Второй мировыми войнами сохранила следы культурного влияния русского казачьего хора, который в основном исполнял национальную духовную музыку. Ансамбль был основан в 1921 году на греческом острове Лемнос как хор Кубанской казачьей дивизии под руководством (регентством) полковника Вениамина Рудко. Первый музыкальный контакт с жителями Ниша казачий хор реализовал в том же году, когда в ходе странствия оказался в Сербии, где в честь национального праздника пел русское благодарение на службе в Соборной церкви в Нише[6].

Несколько лет спустя по инициативе Епископа Нишского Досифея хор Кубанских казаков, который в то время вместе с остатками дивизии был расквартирован в регионах Славонии и Баранье, переезжает из местечка Белишче (Хорватия) в Ниш и становится личным хором Епископа, вместе с нишским церковно-певческим обществом «Бранко» выполняя функцию богослужебного хора Соборной церкви Святой Троицы[7]. Казаки каждое воскресенье и по

[2] Правила русского кружка в городе Ниш. Ниш: Первая нишская типография Ж. Радовановича, 1901. С. 1.

[3] «Славянский» концерт // Торговля. 1911. 20 янв. № 6. С. 3.

[4] Архив Югославии, 14-224-801, Письмо Правительства Министерству внутренних дел от 18.10.1920 г.

[5] Музыкальная жизнь: Русский кубанский хор // Нишки гласник. 1925. 30 окт. № 130. С. 3; Значение Русского клуба // Нишки гласник. 1925. 6 февр. № 16. С. 2.

[6] Напредак. 1921. 1 апр. С. 3. В это время один полк Кубанской дивизии был задействован на строительстве железной дороги Ниш–Княжевац, которое завершилось в 1922 году.

[7] Епископ Нишский Досифей как делегат Королевского правительства в Международной лиге помощи русским беженцам прилагал большие усилия для того,

праздникам ранним утром приходили к апартаментам епископа Досифея, а затем сопровождали его до церкви с религиозными песнопениями. «Это выглядело празднично, величественно, достойно» (Илић, 2003: 77). Русский хор и местный церковный хор «Бранко» осуществляли в 20-е и 30-е годы прошлого века тесное сотрудничество: сохраняя церковные музыкальные традиции и дух панславизма, они вместе пели на литургиях, на городских общественных мероприятиях.

Полковник Вениамин Рудко, который в 1929 году стал регентом нишского церковно-певческого общества «Бранко», повысил исполнительский уровень и обогатил репертуар коллектива духовными произведениями русских авторов[8].

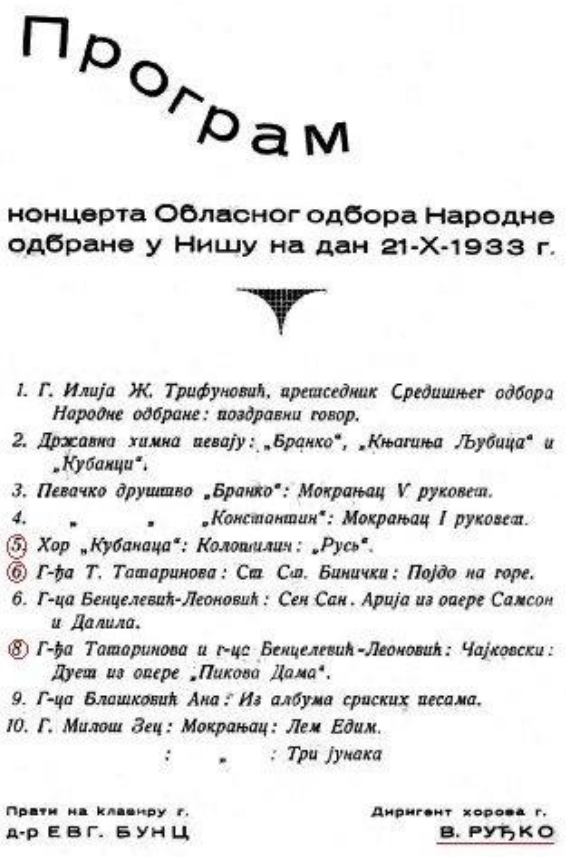
Кроме хора Кубанских казаков, в городе вели свою деятельность и другие культурно-художественные (театральная труппа «Скоморох», Русский клуб) и спортивные общества (Русский отдел нишского Соколиного общества).

Рис. 1. Нишское церковно-певческое общество «Бранко» и Хор Кубанских казаков перед Соборной Церковью 6 мая 1929 года на День Святого Георгия (Джурджевдан)
Fig. 1. The Niš Church Choral Society „Branko" and the Kuban Cossack Choir in front of the Cathedral Church in Niš, May 6 1929 on the Saint George's Day

чтобы помочь страдающему русскому народу и священническому чину.

[8] Вениамин Рудко был женат на Бранславе Джорджевич, члене хора «Бранко». В нотном архиве хора «Бранко» сохранилась партитура его духовной композиции «Кресту Твоему». Перед началом Второй мировой войны он переехал в Белград, т. к. его супруга стала певицей Белградской оперы. Вениамин Рудко трагически погиб в самом начале войны, 6 апреля 1941 года в ходе немецких бомбардировок югославской столицы (Захарченко, 2006: 267).

Осознавая значение профессионального образования для развития музыкальной жизни в среде, в которой они нашли пристанище, члены «Скомороха» в 1927 году подготовили концерт со спектаклем и танцами, доход от которого пошел на оснащение музыкальной школы нишского певческого и музыкального общества «Корнелий»[1]. Русские музыканты помимо организации благотворительных мероприятий, концертов и балов, в целях сбора пожертвований для сограждан активно участвовали в культурных мероприятиях местных представительств югославских национальных обществ и организаций «Ядранские стражники» и «Народная оборона».



Програм

нонцерта Обласног одбора Народне одбране у Нишу на дан 21-X-1933 г.

1. Г. Илија Ж. Трифуновић, председник Средишњег одбора Народне одбране: поздравни говор.
2. Државна химна певају: „Бранко", „Књагиња Љубица" и „Кубанци".
3. Певачко друштво „Бранко": Мокрањац V руковет.
4. „ „ „Константин": Мокрањац I руковет.
5. Хор „Кубанаца": Коловилин: „Русь".
6. Г-ђа Т. Ташаринова: Сп. Сп. Бинички: Пођо на горе.
6. Г-ца Бенцелевић-Леоновић: Сен Сан. Арија из опере Самсон и Далила.
8. Г-ђа Таширинова и г-ца Бенцелевић-Леоновић: Чајковски: Дует из опере „Пикова Дама".
9. Г-ца Блашковић Ана: Из албума српских песама.
10. Г. Милош Зец: Мокрањац: Лем Едим.
: „ : Три јунака

Прати на клавиру г.
д-р ЕВГ. БУНЦ

Диригент хорова г.
В. РУЂКО

Рис. 2. Программа концерта организации «Народная оборона» с сербскими и русскими исполнителями
Fig. 2. The Program of the "National Defence" Committee Concert with Serbian and Russian performers

[1] Нишки гласник. 1927. 10 февр. № 12. С. 3

Гастроли вокалистов из Белграда, имеющих русское происхождение, стали первыми шагами к знакомству граждан Ниша со стандартным репертуаром и признанными ценностями европейской и славянской оперной литературы, русскими романсами и народными песнями. В 1923 году солисты Белградской оперы Неонила Волевач (сопрано) и Георгий Юренев (баритон) дали концерт с фрагментами из опер *Мазепа*, *Паяцы*, *Риголетто* и *Травиата*. Сцены из *Риголетто* и *Травиаты* были представлены с использованием театральных костюмов, поэтому это выступление было воспринято как редкая возможность для «открытия горизонтов оперы, которая до сих пор была лишь мечтой жителей Ниша и реальностью тех, кто по каким-либо причинам уезжал в Белград»[2]. В том же самом году в качестве гостьи на концерте французской скрипачки Маргариты Нури-Андрич выступала прима Белградской оперы Ксения Роговская (Милачић, 1923: 3), карьера которой одно время также развивалась во Франции, в труппе Русской оперы в Париже.

Помимо гастролирующих исполнителей, важную роль в продвижении оперного искусства сыграли и русские, живущие в Нише. Местная пресса упоминает Велбицкую (сопрано) и Якова Петрова (баритон) как «известных русских оперных певцов», которые в 1924 году исполнили на концерте последний акт из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского[3]. Исключительно положительные отзывы получила «деятельница культуры и певица из Санкт-Петербурга, обладающая большим драматическим талантом, Элеонора Бородина, чей меццо-сопрано произвел особенное впечатление при исполнении русских народных песен "Любовь к Родине" и "Не верь мне, дорогой"»[4]. Анастасия Боротин-

[2] Госпожа Волевач и господин Юренев в Нише // Нишки гласник. 1923. 14 февр. № 18. С. 3.

[3] Концерт русских исполнителей // Нишки гласник. 1924. 10 авг. № 95. С. 4.

[4] Концерт г-жи Э. Бородиной // Нишки гласник. 1924. 20 июля. № 87. С. 3.

ская, актриса нишского театра, с 1934 до 1936 года исполняла роли с вокальными элементами и выступала соло на мероприятиях театра и в концертах, где была отмечена ее музыкальность.

Русские балы и гуманитарные мероприятия были теми событиями, где воодушевленные жители Ниша впервые любовались не только оперными, но и балетными представлениями. Талантом и грацией своего танца в хореографических миниатюрах «Украинский танец», «Любовь апаша», «В Грузии», «Горная фея и Фавн», представленных на русском балу в 1923 году, публику покорили Босая, Авчинкова, Васильева, Геринг, Накладова: «Особенное внимание заслуживает фрагмент балета "Горная фея", который представила госпожа Босая. Она посредством своего художественного таланта, школы и грациозности танца представила настоящую картину лесной нимфы»[5]. На благотворительном концерте в 1925 году вальс из балета «Копелия» в хореографическом исполнении госпожи Манциковой вызвал схожую реакцию у публики[6]. В Нише в 1928 году выступала балетная труппа Национального театра из Скопье под руководством режиссера Александра Верещагина[7].

Инструментальное, сольное и камерное исполнительское искусство были представлены на культурных и гуманитарных мероприятиях со смешанным литературно-музыкальным содержанием, организованных различными городскими обществами. Их активными участниками и исполнителями музыкальной части программы часто были русские, среди которых мы должны выделить пианистку Зинаиду Певзнер. Впервые она выступала в Нише на публике именно на мероприятиях такого типа, а затем сделала заметную концертную карьеру в Белграде. На общественной сцене города были активны и другие профессиональные музыканты и любители русского происхождения: пианистка Виктория Кокарева, Леонид Вилков – аккомпаниатор на пианино и участник мероприятий, организованных русскими эмигрантами, Дмитрий Исаченко – скрипач в оркестре Музыкального и певческого общества «Корнелий», Александр Жуков и Петр Кадушкин – музыканты того же оркестра.

Многие новые явления на городской общественной сцене в период между двумя мировыми войнами инициировали именно русские эмигранты. Костюмированные развлечения, балы и карнавалы как неизвестный тогда вид развлечения в общественной жизни горожан Ниша, привлекли большое внимание: на костюмированном карнавале Русского клуба, помимо других развлечений, была организована «битва цветами и конфетами: la bataille des fleurs et confettis»[8]. В зале отеля «Касина» с 1926 по 1929 годы программы кабаре и музыкальных скетчей исполнял ансамбль из десяти членов первого нишского варьете «Веселая курица», который основал Евгений Габаев (Vesić, 2015: 107).

В Нише постоянную исполнительскую и педагогическую деятельность в период с 1935 до 1949 года развила окончившая Московскую консерваторию пианистка Любовь Гавриловна Страховская (1873–1960), которая выступала на открытых концертах своих учеников и на благотворительных мероприятиях, представляя эталонные произведения классической и романтической музыкальной литературы[9]. Накануне Второй мировой войны (1939 г.) музыкальная жизнь города получила до-

[5] Русский бал // Нишки гласник. 1923. 18 апр. № 42. С. 3.

[6] Нишки гласник. 1925. 4 дек. № 145. С. 3.

[7] Балет из Скопье в Нише // Нишки гласник. 1928. 22 янв. № 4. С. 3. Представлены балетные композиции на музыку А. Рубинштейна, И. Падеревског, Л. Делиба, Й. С. Баха, Б. Сметаны, М. Мусоргского (*Гопак*), Й. Штрауса.

[8] Русский клуб // Нишки гласник. 1925. 30 янв. № 13. С. 3.

[9] Класс фортепиано она закончила под руководством пианиста и композитора Павела Пабста (1854–1897). Страховская после пребывания в Нови-Саде, Бечкереке (Зренянине) и Белграде последние десятилетия жизни провела в Нише, где и сегодня живут ее потомки (Медведев, 2000: 8).

полнительный импульс к развитию с открытием еще одной частной школы игры на фортепиано, которой руководила Татьяна Картель. Она посещала класс фортепиано профессора Светислава Станчича на педагогическом направлении Музыкальной академии в Загребе, а в Нише, одновременно с педагогической деятельностью, успешно реализовалась и как пианистка (Цветковић, 2015: 251).

На основе этих данных, которые охватывают только малый сегмент значительно более широкой музыкальной деятельности русских эмигрантов, мы можем с уверенностью сделать вывод о том, что их вклад в культурную и художественную жизнь Ниша в период между двумя мировыми войнами был многогранен, имел стимулирующий характер и потому был весьма значителен. В среде, которая из-за неблагоприятных экономических условий и незаинтересованности государственной политики в области культуры была в большой степени предоставлена сама себе и, как таковая, вынуждена сама организовывать микросистему культуры, личная инициатива русских профессиональных музыкантов и любителей, прежде всего в области музыкального исполнения и педагогики, во многом способствовала обогащению, модернизации и повышению качественного уровня музыкальной практики.

Литература

Арсењев, А. «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...». Руски уметници у Краљевини Југославији // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. 1994. № 15. С. 191–209.

Арсењев, А. Руска интелигенција у Војводини. Културни, просветни и привредни оквири делатности // Сибиновић, М., Межински, М., Арсењев, А. (ур), Руска емиграција у српској култури XX века, зборник радова, II том. Београд: Филолошки факултет, 1994. С. 71–92.

Арсењев, А. Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад, Футог: Змај, Уметничка радионица «Завештање», 2011.

Дрча, Н. Руски ликовни уметници – емигранти у Нишу // Пешић, Д. (гл. и одг. ур), Зборник Народног музеја у Нишу. Ниш: Народни музеј, 2001. № 10. С. 241–267.

Ђорђевић, А. Сучељавање српских и руских културно-уметничких пракси на оперској сцени Народног позоришта у Београду у периоду између два светска рата // Култура. 2016. № 150. С. 239–253.

Захарченко, В.Г. Из истории Кубанского казачьего хора: материалы и очерки. Краснодар: Диапазон-В, 2006.

Илић, П.Н. Руски емигранти у лесковачком крају после 1917 године. Лесковац: ФИЛЕКС, 2003.

Јовановић, М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996.

Јовановић, М. Руска емиграција на Балкану 1920–1940. Београд: Чигоја штампа, 2006.

Кековић, А., Чемерикић, З. Модерна Ниша – архитектура стамбених и јавних објеката Ниша и Нишке Бање, 1920–1941. Ниш: Друштво архитеката, 2006.

Медведев, М. Племенити тонови Љубов Страховскаје у музичком животу Ниша // Нишки весник. 2000. № 6. С. 8–9.

Милачић, Д. Концерат г-ђе Андрић // Нишки гласник. 1923. 16 март. № 32. С. 3.

Мосусова, Н. Руска уметничка емиграција и музичко позориште у Југославији између два светска рата // Сибиновић, М., Межински, М., Арсењев, А. (ур), Руска емиграција у српској култури XX века, зборник радова, II том. Београд: Филолошки факултет, 1994. С. 139–149.

Павловић, М. Институционализовање Опере (и Балета) у Народном позоришту у Београду и руски уметници // Сибиновић, М., Межински, М., Арсењев, А. (ур), Руска емиграција у српској култури XX века, зборник радова, II том. Београд: Филолошки факултет, 1994. С. 153–169.

Петровић, В. Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Сибиновић, М., Межински, М., Арсењев, А. (ур), Руска емиграција у српској култури XX века, зборник радова, II том. Београд: Филолошки факултет, 1994. С. 171–177.

Сибиновић, М., Межински., М, Арсењев, А. (ур), Руска емиграција у српској кул-

тури XX века, зборник радова, I и II том. Београд: Филолошки факултет, 1994.

Турлаков, С. Руски уметници у Београдској опери. Театрон, 1994, № 84/85/86. С. 125–131.

Цветковић, С. Музичка пракса у Нишу од краја XIX века до почетка Другог светског рата – идеолошки, културни и уметнички контекст. Ниш: Универзитет у Нишу, Факултет уметности, Центар за научноистраживачки рад САНУ и Универзитета у Нишу, 2015.

Milin, M. The Russian musical emigration in Yugoslavia after 1917 // Musicology, 2003. № 3. Pp. 65–80.

Vesić, I. The role of Russian emigrants in the rise of popular music and culture in Belgrade between two world wars // I. Medić, I., Tomašević, K. (Eds.), Beyond East and West Divide: Balkan music and its poles of attraction. Belgrade: Institute of Musicology SASA, 2015. Pp. 101–115.

References

Arsenyev, A. (1994), "Russian intelligence in Vojvodina. Cultural, educational and economic frames of activities", *The Russian emigration in the Serbian culture of the 20th, century, collection of papers, vol. II,* in Sibinović, M., Mezinski, M., Arsenyev, A. (ed.), Faculty of Philology, Belgrade, Serbia, 71–92 (in Serb.).

Arsenyev, A. (1994), "We show that even here, far beyond the borders of the fatherland, lives the power of creation... ". Russian artists in the Kingdom of Yugoslavia, *Matica Srpska Journal of Stage Arts and Music*, 15, 191–209 (in Serb.).

Arsenyev, A. (2011), *Samovari u ravnici: ruska emigraciya u Voevodini* [A samovars in a plain: Russian emigration in Vojvodina], Zmaj, Art workshop "Zaveštanje", Novi Sad, Futog, Serbia (in Serb.).

Cvetkovic, S. (2015), *Muzychka praksa u Nishu od kraya XIX veka do pochetka Drugog svetskog rata – ideoloshki, kulturni i umetnichki kontekst* [Musical practices in Niš from late 19th century to the onset of World War II – ideological, cultural and artistic context], University in Niš, Faculty of Arts, Research Center of SASA and University in Niš, Niš, Serbia (in Serb.).

Djordjević, A. (2016), "Confrontation of the Serbian and the Russian cultural and artistic opera praxsis in the National Theatre in Belgrade between two world wars", *Culture*, 150, 239–253 (in Serb.).

Drča, N. (2001), "Russian visual artists – emigrants in Niš", *Collection of papers of the National Museum in Niš*, in Pešić, D. (ed.), 10, 241–267 (in Serb.).

Ilić, P.N. (2003) *Ruski emigranti u leskovachkom krayu posle 1917 godine* [Russian emigrants in the Leskovac region after 1917], FILEKS, Leskovac, Serbia (in Serb.).

Jovanović, M. (1996), *Doselavan'e ruskikh izbeglica u Kral'evinu SKhS 1919–1924* [Immigrations of the Russian refugees in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924], Stubovi kulture, Belgrade, Serbia (in Serb.).

Jovanović, M. (2006), *Ruska emigraciya na Balkanu 1920–1940* [Russian emigration at the Balkans 1920–1940] Čigoja Press, Beograd, Serbia (in Serb.).

Keković, A., Čemerikić, Z. (2006), *Moderna Nisha – arkhitektura stambenikh i yavnikh obekta Nisha i Nishke Ban'e, 1920–1941* [Modernism in Niš – Architecture of residential and public buildings in Niš and Niška Banja, 1920–1941], Association of Architects of Nis, Niš, Serbia (in Serb.).

Medvedev, M. (2000), "Noble tones of Lyubov Strahovskaya in the musical life of Niš", *Niš Gazette*, 6, 8–9 (in Serb.).

Milačić, D. (1923), "Concert of Mrs. Andrić", *Niš Gazette*, 32, March 16, 3 (in Serb.).

Milin, M. (2003), "The Russian musical emigration in Yugoslavia after 1917", *Musicology*, 3, 65–80.

Mosusova, N. (1994), "Russian artistic emigration and musical theatre in the Yugoslavia between the two world wars", *The Russian emigration in the Serbian culture of the 20th century, collection of papers, II vol*, in Sibinović, M., Mezinski, M., Arsenyev, A. (ed.), Faculty of Philology, Belgrade, Serbia, 139–149 (in Serb.).

Pavlović, M. (1994), "Institutionalization of the Opera (and the Ballet) in the National Theatre in Belgrade and Russian artists", *The Russian emigration in the Serbian culture of the 20th century, collection of papers, II vol.*, in Sibinović, M., Mezinski, M., Arsenyev, A. (ed.), Faculty of Philology, Belgrade, Serbia, 153–169 (in Serb.).

Petrović, V. (1994), "Russian opera singers and the Belgarde musical critics and audience", *The Russian emigration in the Serbian culture of the 20th century, collection of papers, II*

vol., in Sibinović, M., Mezinski, M., Arsenyev, A. (ed.), Faculty of Philology, Belgrade, Serbia, 171–177 (in Serb.).

The Russian emigration in the Serbian culture of the 20th century, collection of papers, I, II vol. (1994), in Sibinović, M., Mezinski, M., Arsenyev, A. (ed.), Faculty of Philology, Belgrade, Serbia (in Serb.).

Turlakov, S. (1994), "Russian artists in the Belgrade Opera", *Teatron*, 84/85/86, 125–131 (in Serb.).

Vesić, I. (2015), "The role of Russian emigrants in the rise of popular music and culture in Belgrade between two world wars", *Beyond East and West Divide: Balkan music and its poles of attraction*, in Medić, I., Tomašević, K. (ed.), Institute of Musicology SASA, Belgrade Serbia, 101–115 (in Serb.).

Zakharchenko, V. G. (2006), *Iz istorii Kubanskogo kazach'ego khora: materialy i ocherki* [From the history of the Kuban Cossack Choir: materials and essays], Diapason-V, Krasnodar, Russia (in Russ.).

***Информация о конфликте интересов**: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Цветкович Соня, доктор наук (музыковедение), профессор, Государственный университет в городе Ниш, Факультет искусств, ул. Кнегине Любице, д. 10, г. Ниш 18000, Сербия; *cvetkos@mts.rs*

ABOUT THE AUTHOR:

Sonja Cvetkovic, Doctor of Musicology, Associate Professor, University of Niš, Faculty of Arts, 10 Kneginje Ljubice, Niš 18000, Republic of Serbia; *cvetkos@mts.rs*

УДК 398 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-3**

Маркович Д. С.[1], Благоевич Н. Д.[2]

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ И СЕРБОВ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕКОТОРЫХ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРА)

Философский факультет Нишского государственного университета,
ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш 18000, Республика Сербия;
[1] *dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs*
[2] *nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs*

Аннотация. В исследовании, фрагмент которого представлен в данной работе, мы стремимся выявить характерные черты образов животных в фольклоре славянских народов. В статье рассматривается символический образ медведя на материале основных жанров русского и сербского фольклора. Как тотемное животное, медведь занимал исключительно важное место в мировосприятии славянских народов. Впоследствии его образ стал обрастать дополнительными смыслами, вследствие чего отношение представителей разных славянских народов к медведю и понимание его роли и места в жизни человека существенно изменилось и разошлось. Сравнительный анализ образа медведя в русском и сербском фольклоре, проведенный в исследовании, свидетельствует о влиянии целого комплекса факторов на формирование картины окружающего мира у русских и сербов.
Ключевые слова: медведь; зооморфизмы; фольклор; пословицы и поговорки; сербская народная культура; русская народная культура

Для цитирования: Маркович Д.С., Благоевич Н.Д. Образ медведя в восприятии русских и сербов (Опыт сравнительной типологии на материале некоторых жанров фольклора) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 23-31. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-3

D. S. Markovich[1], N. G. Blagojevich[2]

IMAGE OF A BEAR IN PERCEPTION OF RUSSIANS AND SERBS (EXPERIENCES OF COMPARATIVE TYPOLOGY ON THE MATERIAL OF SOME GENRES OF FOLKLORE)

University of Nis, Faculty of Philosophy in Nis, 2 Cyril and Methodius St., Nis 18000, Serbia;
[1] *dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs*
[2] *nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs*

Abstract. In the study, we seek to identify the characteristic features of the images of animals in the folklore of Slavic peoples. This article discusses the symbolic image of a bear based on the material of the main genres of Russian and Serbian folklore. As a totemic animal, the bear had an exceptionally important place in the world perception of Slavic people, and its role subsequently began to acquire additional meanings that significantly changed the attitude of representatives of different Slavic people to its position in relation to man. A comparative analysis of the image of a bear in Russian and Serbian folklore, conducted in this work, indicates the influence of a whole complex of factors in the formation of a picture of the surrounding world in Russians and Serbs.

Keywords: bear; zoomorphism; folklore; proverbs and sayings; Serbian folk culture; Russian folk culture.

For citation: Markovich, D. S. and Blagojevich, N. G. (2019), "Image of bear in perception of Russians and Serbs (experiences of comparative typology on the material of certain genres of folklore)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 23-31, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-3

Данная работа является продолжением предпринятого нами исследования в области сравнительной типологии образов животных в сербском и русском фольклоре и посвящена народному восприятию образа медведя. В продолжение рассматриваемой нами темы сравнительной типологии образов животных в сербском и русском фольклоре[1] внимание обращается на народное восприятие медведя. Как и в случае с образом волка, народные представления о медведе в значительной степени зависят от места животного в совокупности связей с человеком и его бытом. В системе славянских поверий, в частности сербских и русских, медведь, как и волк, по отношению к человеку занимает отдаленную позицию (в соответствии с бинарной оппозицией «близко-далеко»), наряду с другими дикими животными. Исследователь сербских народных поверий Любинко Раденкович отмечает, что с точки зрения человека, «самое близкое из диких животных – волк, а самое отдаленное – медведь», однако из всех животных именно у медведя больше всего антропоморфных характеристик (Раденковић, 1996: 88). Это обстоятельство обусловливает широту и богатство символического образа медведя в фольклоре, который, хотя и сложился в эпоху относительной общности славянских языков, тем не менее в ходе длительного периода их обособленного развития приобрел определенные различия, на что мы хотели бы обратить внимание в данной работе.

Человекоподобие медведя способствовало развитию многих разнообразных сюжетов обращения медведя в человека и наоборот, а также послужило основой предположения об их общем происхождении (см.: Мифы народов мира..., 2008: 650; Фасмер, 1986: 212). Поэтому фундаментальную роль в народном восприятии медведя стали играть те его атрибуты, которые, собственно, и отличают его от человека. Прежде всего, это шкура, а также челюсти и когти, а в качестве амулетов – череп, кости и зубы. С этой атрибутикой связано множество ритуалов, среди которых центральное место отводится ритуалу медвежьей охоты, предположительно, послужившему основой всех последующих мифопоэтических образов этого животного в сербской и русской традициях (см.: Мифы народов мира..., 2008: 650). Символическое ряженье человека в медведя, изначально связанное с ритуалом охоты, со временем приобрело более богатую семантику, отражающую целый комплекс народных представлений.

Эти представления в первую очередь связаны с представлением о медведе как **сильном и опасном** звере. Больше всего как сербских, так и русских фразеологизмов и идиом указывает на восприятие человеком крупного животного Европы как злого, сильного и опасного зверя, которого охотникам и другим животным одолеть трудно.

В сербском языке: *«Јак (снажан) као медвед»* (Оташевић, 2012: 491) / рус. *сильный как медведь* (так говорят о каком-то человеке); *«Пала мува на медведа»* (Оташевић, 2012: 491) и *«Пала муха на међеда»* (Караџић, 1965: 231) / рус. *упала муха на медведя* (когда происходит что-то незна-

[1] О подобном исследовании фольклорного образа волка, см.: Маркович Д., Благоевич Н. Образ волка в лингвокультурологическом восприятии русских и сербов (Опыт сравнительной типологии на материале некоторых жанров фольклора // Славистика XIX (2015), Белград: Славистическое общество Сербии. С. 267-276.

чительное). Фразеологическое значение в данном примере развивается через связывание двух явлений, которые по своей величине полностью противоположны – муха слишком маленькая и незаметная в сопоставлении с медведем[2].

В русском языке: *«Не балуйся с медведем – задавит»* (Мокиенко, 2010: 524); *«Медведь дожидает того, как бы содрать кожу с кого»* (Мокиенко, 2010: 525); *«Кобыла с медведем тягалась, да один хвост да грива остались»* (Даль); *«Хороша на медведе шуба, да когти востры»* (Мокиенко, 2010: 524); *«Пуганный медведем и пня боится»* (Мокиенко, 2010: 524); *«Медведи – плохие соседи»* (Мокиенко, 2010: 524); *«Раненый медведь – опасный зверь»* (Мокиенко, 2010: 526). С силой медведя связаны, как нам кажется, и «алкогольные» выражения: «медведь» – кофе с ромом или водкой; «медведь» (ж.-д.) – проводник вагона со спиртным; «медведя побороть» – выпить большую кружку вина. И не всегда медведь виноват, если съедает домашнее животное или нападает на человека: *«Виноват медведь, что корову съел, а не права и корова, что за поля ходила*; *Ешь, медведь, попа и барина, оба ненадобны»* (Мокиенко, 2010: 525).

Сербская пословица *Зло је звијере међед*! / рус. *злой зверь медведь*! произошла от рассказа, в котором человек гулял по горе с евангелием и читал: «“Наделяю вас властью наступить на змею и скорпиона и на любую силу лукавого”. В этот момент через дорогу появился медведь, человек побежал за ним и ударил его. Тогда медведь повернулся, схватил человека и стал его бить. К счастью, по этой дороге проходили люди и вырвали человека из медвежьих лап. Когда человек выздоровел, он опять взял евангелие и, прочитав тот стих, сказал: “Но не сказал: на медведя, значит, – я виноват”» (Оташевић, 2012: 115).

Часть фразеологизмов подчеркивает и **бессмысленность огромной силы** медведя. Чаще всего данные фразеологизмы употребляются, чтобы описать состояние человека: *«Бира као међед гњиле крушке»* (Оташевић, 2012: 56) / рус. *выбирает, как медведь гнилые груши*. У Оташевича (Оташевић, 2012: 410) встречаем среди примеров выражений со значением «очень много, в огромном количестве»: *Као гњилих крушака* / рус. *Как гнилых груш*; *Док су међеда навукли на крушке, отргли му уши, а док су га свукли са крушака, отргли му и реп* (см.: Оташевић, 2012: 96) / рус. *пока медведя приучали к грушам, вырвали ему уши, а когда отучали от груш, вырвали и хвост*. Русские фразеологизмы в этом значении разнообразны: *«Гоняется, как медведь за воробьями* / *Ловить, как медведь перепелку*; *Медведь дуги гнул, да запрягать не во что*; *Правит, как медведь в лесу дуги гнет (гнет – не парит, а переломит – не тужит)*; *Врасплох и медведь труслив*; *И большой медведь от малого комара страдает*; *И медведь в неволе пляшет*; *И медведь теленком бывает*; *Медведь силен, да люди его ловят*; *Медведь силен, да на цепи его водят*; *Силен медведь, а на его шкуре спят*; *Силен медведь, да в болоте лежит*; *Падёт на медведя желудь, и он рыкнет, а как целый дуб – и он не мигнет»* (Мокиенко, 2010: 524-526).

Когда в Сербии хотят сказать, что человеку необходимо отдохнуть, то употребляют выражение: *«И међед низ крушку слазећи почива, а камо ли чоек од посла да не почине»* (Караџић, 1965: 124) / рус. *и медведь отдыхает после того как он слез с груши, поэтому и человеку после работы нужно отдохнуть*. В сербском языке медведь также упоминается в контексте невозможности разделить малое на равные части. Об этом говорит сербская пословица *«Једна крушка на десет међеда»* (Караџић, 1965: 131) / рус. *одна груша на десять медведей*.

[2] Существует и анекдот, когда муравьи и медведи играли в футбол, и после матча один муравей просыпается в больнице, весь перебинтованный. Медведь его посещает и извиняется за грубость в игре, а муравей отвечает, что и его команда играла грубо.

Символическая роль медведя как властелина всех зверей и леса, своеобразной пограничной территории между мирами, способствовала его отождествлению с силой, представляющей угрозу как для человека, так и для нечисти: *«С медведем дружись, а за топор / ружье держись»* (Мокиенко, 2010: 524). В сербском языке аналогичное выражение *«Ићи/доћи мечки на ру-пу»* (Оташевић, 2012: 499) / рус. *идти/прийти к берлоге медведицы* также означает опасность от зверя, но употребляется для состояния человека, когда он в беде, либо ему предстоит опасность, либо он в каком-нибудь затруднительном положении. Такое восприятие медведя во многом связано с его **непредсказуемостью**: русская пословица *«В медведе думы много, а вон нейдет»* (Мокиенко, 2010: 524) говорит о непредсказуемости поведения медведя и о его скрытности. Этот зверь для человека непонятен и оттого еще более страшен. Для обозначения людей, которые раннее попадали в опасную ситуацию, используется выражение *«Кого медведь драл, тот и пня боится»* (Мокиенко, 2010: 525). В синонимичном сербском выражении для описания аналогичной ситуации вместо медведя используется пара змея-ящерица – *Кога су змије уједале и гуштера се плаши* / рус. *кого змеи кусали, тот и ящерицы боится*.

Фразеология отмечает медведя и отдельно от силы. Русские поговорки: *«Медведь неуклюж, да дюж»* (Мокиенко, 2010: 525); *«И медведь теленком бывает»* (Зимин, 1996). В Сербии в разговорном языке автомобиль Мерседес называют *Мечка* / рус. *медведица* именно из-за его представительного вида и большого размера. Также в сербском языке есть фразеологизм *«Родити мечку»* (Оташевић, 2012: 499) / рус. *породить медведицу,* и он означает сделать что-либо с большим мучением и усилием. Когда кто-то преувеличивает события и вещи, в русском языке употребляется выражение *«делать из мухи слона»*. В сербском языке в эквивалентном выражении употребляется пара муха-медведь: *«Правити од муве медведа»* (Оташевић, 2012: 491) / рус. *делать из мухи медведя*.

И в русском, и в сербском языке есть стереотип о **неуклюжести** медведя. Люди, наверное, должны были заметить, что медведь несколько обделен ловкостью, чтобы побороть страх перед ним. В сербском языке: *Мечка* / рус. *медведица – неуклюжий и крупный человек*; *(Ићи) као мечка* / рус. *(ходить) как медведь* – грубо, неуклюже. В русском языке про неуклюжего и неповоротливого человека шутливо говорят: *«медведь»; «поворотлив, что медведь»; «медведь (слон) на ухо наступил»* – когда у человека нет музыкального слуха. В серб. *медвеђа услуга* / рус. *медвежья услуга* — неуклюжая помощь в чем-то, принесшая вместо добра зло и огорчение. Словосочетание распространилось в связи с написанной в 1807 году басней И.А. Крылова «Пустынник и медведь», рассказывающей о медведе, убившем камнем спящего друга при попытке отогнать сидящую на его лбу муху. Хотя в басне этого фразеологизма нет, но именно в этом ее смысл. «Удар так ловок был, что череп врозь раздался, И Мишин друг лежать надолго там остался!». Этот сюжет не нов: французский баснописец XVII века Ж. де Лафонтен ту же мысль провел в басне «Медведь и садовник», а фразеологизм «медвежья услуга» вошел во многие европейские языки.

С образом медведя в славянской традиции издавна ассоциируется нечистая сила, ему отводится главенствующая роль в лесах, в силу чего нередки сюжеты, в которых медведь выступает самим лешим или его родным братом (см.: Славянские древности..., 2004: 212). Ведущая роль среди лесных зверей в представлениях народа могла повлиять на отождествление медведя с неким хозяином леса, напрямую связанным с языческим богом Велесом/Волосом, что отражено непосредственно в поверьях восточных славян (см.: Иванов, 1974: 46). Л. Раденкович как раз в этом видит причину табуирования названия медведя, так как «Волос – это всего

лишь ипостась более древнего индоевропейского бога мертвых Велеса» (Раденковић, 1996: 89). Такое предположение подтверждает и тот факт, что табуирование названия медведя характерно и для других индоевропейских языков, ср.: англ. «bear» и нем. «Bar» – по признаку «бурый», др.-греч. «ἄρκτος», лат. «ursus» и др.-инд. «rksa» – по признакам «всклокоченности», «косматости» (Мифы народов мира…, 2008: 651). Что касается самого названия «медведь», М. Фасмер приводит интересную этимологическую связь этого существительного с др.-инд. «madhuvád» в значении «едящий сладкое», что с учетом исторических процессов в разных славянских языках – «укр. *медві́дь*, *ведмі́дь*, цслав. *медвѣдь* м. греч. *ἄρκτος*, болг. *мечо́*, сербохорв. *мѐдвјед*, словен. médvẹd, чеш. medvěd, nedvěd, польск. niedźwiedź, диал. miedźwiedz, в.-луж. mjedwjédź, н.-луж. mjadwjeź» (Фасмер, 1986: 589), – может послужить доказательством возможного заимствования славянскими языками уже табуированного названия животного.

В связи с такой этимологией названия животного можно говорить об еще одной характеристике, отраженной преимущественно в русском языке, – о **прожорливости**. О прожорливости медведя свидетельствуют множество выражений: *«Когда волк будет овцой, медведь садоводником, свинья огородником*; *Медведь быка дерет: и тот ревет, и тот ревет – кто кого дерет, сам черт не разберет*; *Бык с медведем тягались, голова да хвост его остались.* / *Корова с медведем тягалась: остались рога да копыта»* (Мокиенко, 2010: 524-525). И даже: *«Медведь по корове съедает, да голоден бывает (а кура по зерну клюет, да сыта живет)»* (Мокиенко, 2010: 525). Конечно, подчеркивается и то, что он зимой в спячке не ест ничего: *«Медведь лежа целую зиму не ест, а на весну целую корову трескает*; *Медведь по корове жрет, а всю зиму лапу сосет»* (Мокиенко, 2010:525). В сербском языке мы нашли только одно выражение о прожорливости медведя: *Једе као мечка* / рус. *Ест как медведица*.

Символическая связь с владыкой нижнего мира стала основой, на которой строился многозначный, иногда амбивалентный образ медведя в фольклоре восточных и южных славян. Очередной пласт семантики раскрывается на примерах вторичного табуирования названия медведя, на этот раз мотивированного отсылкой не к языческому богу, а к народному быту. Например, медведя в русском фольклоре могли обозначать следующим образом: «он, сам, хозяин, дедушко, овсяник, маська, черный зверь, куцый, мохнач, косматый черт, старый, костоправ, ломака, косолапый, бирюк, сергачский барин <…>, Миша, Мишук, Михайло Иваныч Топтыгин, Потапыч, медведица Аксинья, Матрёна», а в сербском народном творчестве: «тета, она, она несрећа, она ала» (Славянские древности… 2014: 214). Эти новые представления о медведе в основном складывались в эпоху средневековья и отражали влияние разных систем ценностей, с которыми сталкивались славянские народы. В частности, медведь начал восприниматься как символ здоровья, силы и плодородия, его появление или использование его атрибутов в ритуалах могло, по народным представлениям, устрашать нечистую силу и тем самым охранять скот, имущество и жизнь человека, а также снимать порчу с него. Последнее напрямую связано с народным восприятием болезней как одушевленных явлений – воплощений нечистой силы из потустороннего мира.

С другой стороны, представления о медведе как угрозе для нечистой силы способствовали тому, что и среди сербов, и среди русских во многих фольклорных жанрах и поверьях появляются сюжеты, в которых излечение от болезней требует использования медвежьих амулетов, чаще всего когтей или шерсти, иногда черепа (см.: Ђорђевић, 1958: 258; Фасмер, 1986: 212-214).

Для восточных славян, в частности для русских, медведь стал мощным символом

плодородия, что чаще всего отражается в свадебном ритуале, обрядах любовной магии и лечения бесплодия (см.: Славянские древности… 2014: 213). У сербов такая символика в основном связана с сюжетом нападения медведя на женщину, чтобы увести ее к себе и сожительствовать с нею (ibidem). Такие представления могли повлиять на отождествление медведя в средневековой христианской традиции с греховной телесной природой человека, своеобразным символом плотского искушения, нередко связанным с библейской историей об Адаме и Еве.

Немало поверий сербского и русского народов относительно медведя связано и с календарным фольклором. Сербы считают, что медведь выходит из берлоги на праздник Сретение (который отмечается 15 февраля[3]) и, если видит свою тень, возвращается в берлогу и продолжает спать еще шесть недель. У русских пробуждение медведя связывают с Благовещением (7 апреля) или с Васильевым днем (4 апреля), а в берлогу он уходит на Воздвижение (27 сентября). Особое место выделено медведю в календарном фольклоре южных славян, где в день Св. Саввы (27 января) или Св. Прокопия (21 июля) отмечаются так называемые «медвежьи дни» с целью защиты от этого зверя. В данном случае отчетливо перекликаются образы волка и медведя, так как указанная традиция соответствует «волчьим дням», имеющим почти такую же цель. О связи этих образов свидетельствует и вариант знаменитой пословицы из словаря Даля: «*Работа не медведь (не волк), в лес не убежит*» (Даль).

На фольклорный образ медведя значительное влияние оказали библейские тексты и христианская богослужебная литература. В этих текстах, насыщенных богатой символикой в плане интерпретации сравнительных характеристик человека и зверей, медведь связан с сатаной. Влияние христианства приносит в сербскую и русскую народные традиции новые сюжеты, в которых мотив обращения человека в медведя получает смысл наказания за грехи, совершенные против Христа и его учения (см.: Славянские древности… 2014: 211). Достаточно большую распространенность среди восточных славян получили поверья о медведях-оборотнях, колдунах, которые могли принимать облик медведя. Человеческое происхождение медведя подтверждалось в народном восприятии и тем наблюдением, что собака и на него, и на человека лает одинаково, а также особенностями его поведения по отношению к потомству, способностями плясать, радоваться, есть сладкое и т. п.

Танец медведя, несомненно связанный с уже упомянутым ритуалом медвежьей охоты, у сербов оставил значительный след во фразеологии. В танцах медведя сербский язык увидел два дополнительных значения: а) **Предвестие беды**. В сербском языке есть выражение: *«Игра мечка пред чичином кућом, доћи ће и пред нашу»* (Караџић, 1965: 118) / рус. *танцует медведь перед дядиным домом, придет и к нашему*. Значит оно, что что-то плохое должно непременно произойти. Это высказывание употребляется, когда кто-то радуется чужой беде, и напоминает, что и с ним может произойти то же самое. б) **Предостережение**. Существует сербская пословица: *«Играј, играј међеде, што наиграш то тебе»* (Караџић, 1965: 118) / рус. *танцуй, танцуй, медведь. Что натанцуешь, забирай себе*. Так можно сказать человеку, который делает какое-либо зло.

Заставить медведя танцевать также считалось своеобразной победой, подчинением человеком этого опасного зверя, проявлением его уязвимости. В русском языке наблюдаем фразеологизмы, свидетельствующие о том, что и этого опасного зверя можно приручить, что он уязвим, несмотря на его размеры: *«И медведя покоряют: И медведя прогневить – так в ноги кланяется*; *Не хочет медведь плясать, да губу дерут (да за губу теребят)*;

[3] Даты указаны по новому стилю (григорианскому календарю), хотя церковный календарь в Сербской, как и в Русской православной церкви, юлианский.

Медведь силен, да люди его ловят» (Мокиенко, 2010: 525-526). В сербском языке мы выделили в этом контексте всего один фразеологизм: *«За невољу и медвед играти научи»* (Караџић, 1965) / рус. *в неволе и медведь научится танцевать*. Но в данном случае фразеология уделяет внимание медведю как зрелищу. Тут дело в развлечении и подчинении медведя воле человека, выставлении его на всеобщее обозрение и триумф человека над медведем. Это также призвано помочь побороть страх перед диким зверем. В русском языке примеры тому: *«И медведя бьют, да учат*; *И медведя люди учат*; *Медведь лег – игра стала*; *Медведь пал – игры только*; *Медведь пляшет, а поводырь (цыган) деньги берет»* (Мокиенко, 2010: 525-526). Если не очень получается заставить медведя танцевать, то говорят в оправдание: *«Медведь-то новый, да поводильщик-то старый»* (Мокиенко, 2010: 525).

В русском языке есть выражение *«делить шкуру неубитого медведя»* и пословицы *«не убив медведя, шкуру не продают*; *неубитого медведя шкуры не делят*; *не убив медведя, кожи не дерут»* (Мокиенко, 2010:526), а в сербском – синонимичное выражение будет со словом заяц: *«Гради ражањ, а зец у шуми»* (Караџић, 1965: 80) / рус. *строит мангал, а заяц в лесу*.

Встречаются русские выражения, отмечающие склонность медведя к одиночному образу жизни: «*два медведя в одной берлоге не живут» (не уживутся / не улягутся)*; «*живет один, как медведь в берлоге» (как бирюк)*. В сербском языке в таких выражениях употребляется волк: «*сам као вук у шуми*. / рус. *один как волк в лесу*. Также об одиночестве медведя свидетельствует и то, что он бывает в зимней спячке, а поэтому он считается лунным животным и ассоциируется с периодически исчезающей и вновь появляющейся Луной.

На популярном в Сербии сайте (Vukajlija) мы нашли и сербские разговорные выражения со словом *мечка* / рус. *медведица*. Приведем некоторые из них: *«Не чачкај мечку»* / рус. *не трогай медведицу* (в значении – не лезь на рожон, не призывай беды); «мечка» – самое большое унижение в дворовом баскетболе, когда вы настолько сильнее противника, что при счете 7:0 игра заканчивается, так как дальше играть бессмысленно; «мечка» – идеальный брачный партнер, который раздерет тебя на куски в течение нескольких минут и не будет тебя мучить на протяжение всей жизни; «мечка» – контрабас (этот термин используется, в основном, в терминологии джаза и джазовых выступлений); «мечка» (в жаргоне фотографов) узкая тень, которая остается на стене или какой-либо поверхности из-за вспышки; *Јел' игра (бела) мечка*? / рус. *разве медведь танцует*? Так говорят, когда кто-то внимательно смотрит (прищуривается) за событием или самим человеком; «мечка» – универсальное название для любой плюшевой игрушки, указывает на лохматость медведя. В русском языке таких выражении много: *«Брови, что медведь лежат, густые*; *На медведя глядели – пряжа косматая*; *Тот же медведь, да в другой шерсти»* (Мокиенко, 2010: 524-526).

В целом можно прийти к выводу, что на фольклорный образ медведя в сербской и русской традициях ключевое влияние оказал его антропоморфный облик и символическое значение его места в пространственной системе ценностей славянской культуры. Основные отличия в восприятии медведя у сербов и русских связаны с ареалом его обитания и влиянием на жизнь народа. Можно предположить, что образ медведя играл более важную роль в восточнославянском фольклоре, тогда как в южнославянской традиции, в частности у сербов, это положение занимал волк. Также можно отметить, что в сербском фольклоре гораздо чаще используется существительное *мечка* – рус. *медведица*, что может служить признаком более выраженной связи с женским началом в восприятии этого зверя среди сербов.

Литература

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.–М.: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1905. Т. 2. [Электронный ресурс] URL: https://runivers.ru/bookreader/book483202/#page/162/mode/1up (дата обращения: 28.04.2019).

Ђорђевић, Т. Природа у веровању и предању нашега народа. Београд: САНУ, 1958.

Зимин, В.И., Спирин, А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 543 с.

Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей: Лексич. и фразеол. вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

Караџић, В. Сабрана дела. Књига IX: Српске народне пословице. Београд: Просвета, 1965.

Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15 (дата обращения: 28.04.2019).

Мокиенко, В.М, Никитина, Т.С, Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.

Оташевић, Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012.

Раденковић, Љ. Симболика света у народној магији Јужних Словена. Ниш: Просвета, 1996. 378 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995-2014. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). 2004. 697 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. В четырех т. М.: Прогресс, 1986. 672 с. Т. 2 (Е – Муж).

Vukajlija [Электронный ресурс] URL: https://vukajlija.com/mecka (дата обращения: 28.04.2019).

References

Dahl, V. I. (1905), *Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], M.O. Wolf, SPb, Moscow, Russia [Online], available at: https://runivers.ru/bookreader/book483202/#page/162/mode/1up (Accessed 4 April 2019) (in Russ.).

Djordjevic, T. (1958), *Priroda u verovanyu i predanyu nashega naroda* [Nature in beliefs and legacy of our people], Serbian academy of science and arts, Belgrade, Serbia (in Serb.).

Ivanov, V. V. (1974), *Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostey* [Research in the field of Slavic antiquities], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Karadzic, V. (1965), *Sabrana dela. Kniga IX: Srbske narodne poslovitse* [Collected works. Book IX: Serbian people proverbs] Prosveta, Belgrade, Serbia (in Serb.).

Mify narodov mira: entsiklopedia [Myths of the peoples of the world: encyclopedia] (2008), in Tokarev, S. A. (ed.), Moscow, Russia [Online], available at: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n15 (Accessed 4 April 2019) (in Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. S. and Nikolaeva, E. K. (2010), *Bolshoy slovar' russkikh poslovits* [Great Dictionary of Russian proverbs], Olma Media Group, Moscow, Russia (in Russ.).

Otašević, Đ (2012), *Frazeoloshki rechnik srpskog yezyka* [Phraseological dictionary of Serbian language], Prometey, Novi Sad, Serbia (in Serb.).

Radenković, Lj. (1996), *Simbolika sveta u narodnoy magiyi Yuzhnykh Slovena* [Symbolism of world in the folk magic of southern Slavs], Prosveta, Serbia (in Serb.).

Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t. Tom 3: K-P [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Volume 3: K-P] (2004), in Tolstoy, N. I. (ed.), Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia (in Russ.).

Vasmer, M. (1986), *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Tom. 2 (E - Muzh)* [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In four volumes. Vol. 2 (E - Muzh)], Translated by Trubachev, O.N., Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Vukajlija [Online], available at: https://vukajlija.com/mecka (Accessed 4 April 2019).

Zimin, V. I. and Spirin, A. S. (1996), *Poslovitsy i pogovorky russkogo naroda* [Proverbs and sayings of Russian people] Syuita, Moscow, Russia (in Russ.).

***Информация о конфликте интересов**: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: the authors have no conflict of interests to declare.*

***ОБ АВТОРАХ*:**

Маркович Деян Слободанович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский государственный университет, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия; *dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs*

Благоевич Ненад Джорджевич, кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский государственный университет, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия; *nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs*

***ABOUT THE AUTHORS*:**

Dejan S. Markovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Cyril and Methodius St., Nis 18000, Serbia; *dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs*

Nenad G. Blagojevich, PhD, Assistant Professor, Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Cyril and Methodius St., Nis 18000, Serbia; *nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs*

УДК 821.161.1.0 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-4**

Хабибуллаева Ф. К.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Андижанский государственный университет, ул. Университетская, д. 129, г. Андижан 170100, Республика Узбекистан; *feruza0902@mail.ru*

Аннотация: В статье на основе двух переводов на русский язык романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» рассматривается проблема воссоздания национального своеобразия. Показано, что недостаточное понимание реалий национальной жизни привело к ряду серьезных упущений, препятствующих завоеванию романом популярности у русскоязычного читателя. Проведенное исследование показывает, в какой степени важными являются этнокультурные комментарии в художественном переводе. Ибо они служат правильному пониманию сути изображаемого в произведении, чем способствуют свершению истинного эстетического события, которое сближает народы и культуры, приводит к взаимопониманию и взаимоуважению между ними.
Ключевые слова: оригинал; адекватный перевод; национальный колорит; национальный дух; национальные реалии; менталитет.

Для цитирования: Хабибуллаева Ф.К. Этнокультурный комментарий как эффективный способ воссоздания национального своеобразия при переводе // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 32-37. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-4

F. K. Khabibullaeva

ETHNOCULTURAL COMMENT IN TRANSLATION AS AN EFFECTIVE METHOD OF RECREATING NATIONAL IDENTITY

Andijan State University, 129 Universitetskaya St., Andijan, 170100, Uzbekistan; *feruza0902@mail.ru*

Abstract: The article deals with the problem of recreating national identity based on two translations of the novel “Past Days” by Abdullah Kadyri into Russian. It is shown that a lack of understanding of the realities of national life has led to a number of serious omissions that prevent the novel from gaining popularity among Russian-speaking readers. The study shows the extent to which ethnocultural comments in literary translation are important, for they serve the correct understanding of the essence depicted in the work, thereby contributing to the fulfillment of a true aesthetic event that brings people and cultures together, leads to mutual understanding and mutual respect between them.
Keywords: original; adequate translation; national flavor; national spirit; national realities; mentality.

For citation: Khabibullaeva, F. K. (2019), "Ethnocultural comment in translation as an effective method of recreating national identity", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 32-37, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-4

Одной из важнейших функций художественной литературы является познавательная, благодаря чему чтение обогащает наши знания и представления об окружающем мире и обществе, о самом человеке. Переводная же литература призвана прежде всего знакомить читателя с образом жизни и мышлением, бытом, культурой, традициями и обычаями другого народа. Согласно общепринятому утверждению, художественный перевод как бы строит мосты между разными культурами, и, в конечном счете, служит взаимопониманию и согласию между народами. Однако для выполнения данной миссии требуется адекватная передача национального колорита оригинала, что, к великому сожалению, на практике удается не всегда и часто в недостаточной степени. В частности, в советский период, когда в ущерб национальному культивировалось интернациональное, в практике художественного перевода уделялось недостаточное внимание данной проблеме. Особенно отчетливо это ощущалось в переводах из национальных языков на русский. Хотя введение в лингвистике и переводоведении термина «реалия» для обозначения национально-специфических явлений свидетельствует о понимании проблемы специалистами с середины прошлого века (см.: Морозов, 1956; Фёдоров, 1968; Ахманова, 1966; Верещагин, Костомаров, 1973 и др.), однако лишь в последние годы можно говорить о проведении широких систематических исследований и воплощении их обобщенных результатов в теоретических гипотезах и методологиях (см.: Дробышева, 2008; Алексеева, 2009; Фененко, 2009; Гудий, 2012; Бубнова, Сардарова, 2014; Пугина, Смыслов, Холстинина, 2016; Хабибуллаева 2015, 2017 и др.). Недостаточный опыт перевода с одной стороны, остатки великодержавно-имперского и великорусского шовинизма, советского понимания интернационализма в сознании переводчиков с другой стороны, на наш взгляд, были основными причинами стирания в переводах национальной самобытности оригинала.

Издание в 1958 году русского перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», запрещенного в 1937 году в связи с репрессированием автора, предваряло его переиздание на узбекском, что являлось как бы дополнительной страховкой для издателей. Поэтому в спешном порядке роман был переведен на русский, что было поручено Л. Бать и В. Смирновой (Кадыри, 1984). Эти обстоятельства, на наш взгляд, вкупе с вышеназванными причинами могли отрицательно повлиять на качество перевода. В результате получили то, что имеем: русскоязычный читатель знаком с сюжетом, однако, в отличие от узбекского читателя, он не воспринимает первенца узбекской романистики как «энциклопедию узбекской жизни». Попыткой преодолеть эти недостатки можно считать второй перевод романа, осуществленный М. Сафаровым в 2008 году (Кадыри, 2009). Надо признать, что кое в чем ему это удалось. И всё же, пока и второй перевод далек от совершенства, особенно в плане воссоздания национального своеобразия.

В одном из эпизодов «Минувших дней» А. Кадыри пишет: «Ҳасанали дастурхон ёзиб қумғон киргизди. Одатий такаллуфлар билан дастурхон ва чойга қаралди» (Кодирий, 2014: 9). Второе предложение фрагмента дословно означает «с обычными вежливостями принялись за еду». Фраза, адресованная национальному читателю, сообщает ему достаточно много, но русскоязычному читателю ровным счетом ничего. Эта фраза в сознании читателя-узбека может легко вызвать живую сцену «обычных вежливостей»,

благодаря чему автор имеет возможность быть лаконичным. Переводчик же, наоборот, чтобы передать смысл оригинала, просто обязан распространяться, ибо без этого добиться адекватности невозможно. Однако, если переводчик будет распространяться с целью передачи смысла, то неизбежен отход от текста оригинала. Потому одним из действенных и, возможно, наиболее эффективных способов решения данной проблемы являются различного рода комментарии. Попробуем обосновать это путем сопоставления оригинала и двух переводов приведенного выше фрагмента на русский язык.

Начнем с первого перевода (далее – ПП), в котором данный фрагмент выглядит так: «Тем временем Хасанали разостлал скатерть, поставил угощения, принес чай. Все чинно принялись за еду» (Кадыри, 1984: 30). Вместо «қумғон киргизди» («внес кумган») в переводе читаем «принес чай». Конечно, тут смысл не меняется: в кумгане был чай. Однако опущением слова «кумган», означающего предмет национального быта, теряется важная в плане создания национального колорита деталь. Это примерно то же, как если бы сочетание «поставить самовар» из русской деревенской прозы перевели как «принести чай» (исчезает атмосфера национальной жизни). Далее, сочетание «дастурхон ёзмоқ», дословно означающее «разостлать скатерть», является фразеологическим оборотом и по смыслу совпадает с сочетанием «накрыть стол». Переводчики, чтобы передать данное значение фразеологической единицы, добавили простое предложение «поставил угощения». Происходит подмена одного колорита другим, что искажает содержание текста и нарушает передачу истинного значения слова. На наш взгляд, здесь можно было ограничиться предложением «разостлать скатерть» и снабдить его комментарием. Целесообразность этого диктуется также тем, что читатель романа еще не раз встретит данный фразеологизм. Второе предложение фрагмента переведено весьма неудачно, так как не передает смысл оригинала, о чем было сказано выше.

Во втором переводе (далее – ВП), осуществленном М. Сафаровым, данный фрагмент выглядит так: «Хасанали расстелил дастархан и внес кумган. Последовала традиционная церемония ухаживания за гостями» (Кадыри, 2009: 10). Как видно, в отличие от предшественников, М. Сафаров передал фразеологизм словосочетанием «расстелил дастархан» и снабдил его подстраничным комментарием («Расстелил дастархан – поставил угощение перед гостями»), что является, на наш взгляд, удачным решением. Наличие в основном тексте непереведенного слова «дастархан» отсылает читателя на побочный текст, т. е. является сигналом: «Смотри комментарий!» С другой стороны, непереведенное слово «дастархан», будучи реалией, само по себе придает изображению национальную окраску. И наконец, с данным словом читатель романа еще встретится не раз, что еще раз подчеркивает важность подстраничного комментария. Вместе с тем, было бы целесообразнее дополнить комментарий следующим образом: 1) дать перевод слова: «дастархан – скатерть»; 2) указать на то, что «дастурхон ёзмок – расстелить скатерть» является фразеологизмом и в контексте может означать то же, что и «накрыть стол».

Таким же способом передано и слово «кумган». Однако комментарий в сноске к нему неверен. Дело в том, что данное слово имеет древнеузбекское происхождение и является дериватом слова «чайник». А в комментарии «кумган» описан как «медный кувшин с носиком для мытья рук». На самом же деле кумган предназначен не для мытья рук, а для кипячения воды к чаю (чаще как для кипячения, так и для заваривания). Слово «кумган» в современном переводу словаре толкуется как «металлический или керамический сосуд в виде высокого узкогорлого кувшина с носиком, ручкой и крышкой (у

тюркских народов и кавказских горцев)»[1]. В то же время существует похожая на кумган и предназначенная для мытья рук домашняя утварь, но называется она «обдаста». Описанное упущение свидетельствует, на наш взгляд, как о недостаточно глубоком знании переводчиком особенностей нацонального быта, так и о необходимости более подробного комментария в подобных случаях.

Второе предложение фрагмента («Последовала традиционная церемония ухаживания за гостями»), так же как и в ПП, не сообщает русскоязычному читателю ничего конкретного или же, наоборот, сообщает то, чего в оригинале не было вовсе. Потому как использованное в переводе слово «церемония» подразумевает скорее нечто официальное или же укоренившийся в виде ритуала процесс, поэтапно расписанный согласно некоему регламенту, и может ввести читателя в заблуждение. Ибо в оригинале имеются в виду лишь обычные любезности, правила этикета, предписывающие хозяевам всячески угождать гостям, в том числе раз за разом просить их отведать тех или других яств, находящихся на дастархане. Разумеется, дословный перевод здесь не может передать сути того, что имелось ввиду. Поэтому наряду с точным переводом (например, в таком виде: «С обычными вежливостями принялись за еду»), необходим этнокультурный комментарий, который бы вкратце пояснял сочетание «обычные вежливости».

Необходимо отметить, что этнокультурный комментарий должен быть по возможности исчерпывающим и точным. И не стоит тревожиться о том, что в этом случае объем побочного текста в переводе может увеличится в разы. Ибо здесь основным критерием является создание перевода, возможность представить изображаемое максимально близко к представлению читателя оригинала. Так, прочитав в оригинале «Отабек меҳмонларни танчага ўтқузиб, фотиҳадан сўнг Ҳасаналидан сўради…» (Кодирий, 2014: 7), читатель-узбек может живо представить себе изображаемую ситуацию. Однако русскоязычный читатель, незнакомый с узбекским бытом, прочитавши в ПП фразу «… после того, как гости сели у сандала и была прочитана фатиха, Атабек обратился к старику…» (Кадыри, 1984: 28), вряд ли сможет понять то, что представил читатель-узбек. Учитывая это, переводчики снабдили слово «сандал» комментарием в сноске. В обоих переводах слово «сандал» комментируется одинаково: «низкий столик, который ставится над углублением в полу с горячими угольями; служит для согревания ног зимой». Сразу надо сказать, что данный комментарий не полон и, прочитав его, читатель может получить неверное представление. Так, незнакомый с узбекским бытом читатель, опирающийся только на текст и комментарий к нему, может представить низкий столик, под которым горячие уголья, и севших подле этого стола гостей – и только, что в принципе неверно. Причиной этому является неточность и неполнота комментария. Во-первых, функция сандала не исчерпывается «согреванием ног» в зимнее время, он был единственным источником тепла в узбекских домах. С учетом этого, во-вторых, необходимо дать полное описание предмета, а именно, то, что этот низкий столик покрывается специальным ватным одеялом (курпа), служащим для сохранения тепла. В зимнее время в специальное углубление кладут уголья, сверху их присыпают золой, являющейся своеобразным регулятором тепла: когда температура опускается, чуть приоткрывают уголья, а когда становится слишком жарко, наоборот, прикрывают золой. Домочадцы же располагаются вокруг сандала, для чего, приподняв одеяло, засовывают ноги внутрь. Разумеется, если бы переводчики знали эти нюансы, то мы бы не читали в ПП «сели у сандала», а во ВП «усадил к сандалу».

[1] Советский энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1985. С. 669.

В каждом из переводов слово «фатиха» передано по-разному. Так, если в ПП оно дано без перевода и снабжено комментарием в постраничной сноске, то во ВП словосочетанием «краткая молитва» передан смысл слова. Если учесть, что в комментарии ПП слово охарактеризовано как «краткая благодарственная молитва», а во ВП исключено прилагательное «благодарственная», то следует отметить, что М. Сафаров поступил верно. Ибо слово «фатиха» в данной жизненной ситуации не есть благодарственная молитва. В отличие от верующих христиан, произносящих благодарственную молитву перед тем как приступить к еде, мусульмане благодарят Аллаха после еды. Значит, в ПП происходит смешение понятий, т. е. понимание мусульманского обычая по аналогии с христианским. На самом же деле здесь отражен другой обычай, согласно которому пришедший в гости, после того как сядет в указанное хозяином место, произносит «фатиху» – просит Аллаха ниспослать всевозможных благ этому дому, его хозяину и домочадцам. А это значит, что в целом и во ВП слово передано не адекватно оригиналу. На наш взгляд, единственно верным способом адекватной передачи здесь является следующее: принять слово «фатиха» за непереводимое и снабдить его подробным комментарием.

Рассмотренные выше примеры, как нам думается, достаточно убедительно показывают, в какой степени важными являются этнокультурные комментарии в художественном переводе. Ибо они служат правильному пониманию сути изображаемого в произведении, чем способствуют свершению истинного эстетического события, которое сближает народы и культуры, приводит к взаимопониманию и взаимоуважению между ними.

Источники

Кадыри, А. Минувшие дни. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1984. 336 с.

Кадыри, А. Минувшие дни. Ташкент: Шарк, 2009. 432 с.

Кодирий, А. Ўтган кунлар. Тошкент: Шарк, 2014. 400 с.

Литература

Алексеева, М.Л. К проблеме типологии приемов передачи реалий // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 14–18.

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.

Бубнова, И.А., Сардарова, А.А. Прагматическая адаптация при переводе как способ преодоления лингвокультурного барьера // Лингвокоммуникативные стратегии. 2014. Т. 11. № 4. С. 53-57.

Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: МГУ, 1973. 232 с.

Гудий, К.А. Типология приемов передачи культурно-специфических слов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 180-184.

Дробышева, Т.В. Национально-культурный колорит художественного произведения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 66–70.

Морозов, М.М. Пособие по переводу. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 146 с.

Пугина, Е.Ю., Смыслов, С.П. Холстинина, Т.В. Восточные реалии: репрезентация при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 261–269. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-261-269

Фененко, Н.А. Две стратегии перевода реалий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121–128.

Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. 395 с.

Хабибуллаева, Ф.К. К проблеме воссоздания национального своеобразия // Научный вестник. Андижанский государственный университет. 2015. № 4. С. 87–90.

Хабибуллаева, Ф.К. К проблеме передачи реалий в художественном переводе // Научный вестник. Андижанский государственный университет. 2017. № 3. С. 74–76.

Sources

Kadyri, A. (1984), *Minuvshie dni* [Past days], Publisher of literature and art, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Kadyri, A. (2009), *Minuvshie dni* [Past days], Publisher Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Kodirij, A. (2014), *Utgan kunlar* [Past days], Publisher Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).

References

Akhmanova, O. S. (1966), *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms], Moscow, Russia (in Russ.).

Alekseeva, M. L. (2009), "To the problem of the typology of methods of transmission of realities", *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 1, 14-18 (in Russ.).

Bubnova, I.. A. and Sardarova, A. A. (2014), "Pragmatic adaptation in translation as a way to overcome the linguistic and cultural barrier", *Linguistic and communicative strategies*, 11. (4) 53-57 (in Russ.).

Drobysheva, T. V. (2008), "National and cultural color of the artwork", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 66–70 (in Russ.).

Fedorov, A. V. (1968), *Osnovy obshchej teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation], Higher School Publishing House, Moscow, Russia, (in Russ.).

Fenenko, N. A. (2009), "Two strategies for translating realities", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 121–128 (in Russ.).

Gudiy, K. A. (2012), "Typology of methods of transfer of culture-specific words", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 180-184 (in Russ.).

Khabibullaeva, F. K. (2015), "On the Problem of Recreating National Identity", *Ilmiy Jurnallar*, 4, Andijan State University, 87-90 (in Russ.).

Khabibullaeva, F. K. (2017), "On the problem of transfer of realities in literary translation", *Ilmiy Jurnallar*, 3, Andijan State University, 74-76 (in Russ.).

Morozov, M. M. (1956), *Posobie po perevodu* [a study guide in translation], Moscow, Russia, (in Russ.).

Pugina, E. Yu., Smyslov, S. P. and Holstinina, T. V. (2016), "Eastern realities: representation in translation", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3. 261–269. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-261-269 (in Russ.).

Vereshchagin, E. M. and Kostomarov, V. G. (1973), *Yazyk i kultura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic studies in teaching Russian as a foreign language], Moscow State University, Moscow, Russia (in Russ.).

***Информация о конфликте интересов**: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Хабибуллаева Феруза Казымовна, исследователь, кафедра русского языка и литературы, Андижанский государственный университет, ул. Университетская, д. 129, г. Андижан 170100, Республика Узбекистан; *feruza0902@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Feruza K. Khabibullaeva, Research Fellow, Department of the Russian Language and Literature, Andijan State University, 129 Universitetskaya St, Andijan city 170100, Uzbekistan; *feruza0902@mail.ru*

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 929 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-5**

Денисова И. В.[1],
Лю-Ку-Тан В. А.[2]

Ф. М. РОССЕЙКИН: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия;
[1] *denisova@bsu.edu.ru*
[2] *lyu-ku-tan@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье представлена реконструкция биографии Федора Михайловича Россейкина, педагога, ученого, исследователя Византии, жившего и работавшего в городах Новом Осколе и Калининграде, а также в Московской области. Он внес значительный вклад, как ученый, в развитие отечественной византологии и, как педагог, в развитие системы образования и учебных заведений. В статье представлен анализ архивных материалов, как опубликованных, так и ранее не исследованных, о его жизни и профессиональной деятельности.
Ключевые слова: Ф.М. Россейкин; Ф.М. Успенский; Н.С. Лебедев; педагог; византинист; Московская Духовная Академия; Новый Оскол

Для цитирования: Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. Ф. М. Россейкин: жизнь и деятельность (по материалам архивов) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 38-45. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-5

I. V. Denisova[1],
V. A. Lyu-Ku-Tan[2]

F. M. ROSSEIKIN: LIFE AND ACTIVITY (BASED ON ARCHIVE MATERIALS)

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
[1] *denisova@bsu.edu.ru*
[2] *lyu-ku-tan@bsu.edu.ru*

Abstract. The article presents the reconstruction of the biography of Fyodor Mikhailovich Rosseikin, a teacher, scientist, researcher of Byzantium, who lived and worked in the cities of Novy Oskol and Kaliningrad, as well as in the Moscow Region. As a scientist, he made a significant contribution to the development of national Byzantology and, as a teacher, to the development of the educational system and educational institutions. The article presents an analysis of archival materials, both published and not previously investigated about his life and professional activities.
Key words: F. M. Rosseikin; F. M. Uspensky; N. S. Lebedev; teacher; Byzantinist; Moscow Theological Academy; New Oskol.

For citation: Denisova, I. V. and Lyu-Ku-Tan, V. A. (2019), "F. M. Rosseykin: life and activity (based on archive materials)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 38-45, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-5

Актуальность представленного исследования обусловлена тем, что 2019 год – год 140-летнего юбилея со дня рождения педагога, ученого историка Федора Михайловича Россейкина. Основу исследования составляют документы фондов Научного архива Института российской истории Российской академии наук и фонда Р-688 Новооскольский уездный отдел народного образования Государственного архива Белгородской области.

Жизнь и деятельность Федора Михайловича Россейкина заслуживает внимания исследователей в области педагогического образования, истории отечественной византинистики, биографических исследований. Наш опыт представляет собой историческую реконструкцию профессиональной педагогической и научно-исследовательской деятельности Ф.М. Россейкина.

Он родился 15 сентября 1879 года в городе Ардатов Симбирской губернии. Его отец был мелким служащим в ардатовской мещанской управе, а мать домохозяйкой. В 1895 году Федор Михайлович окончил духовное училище и в 1901 году – Симбирскую духовную семинарию (Голубцов, 1999: 78).

В автобиографии Ф.М. Россейкина, которая хранится в научном архиве Института российской истории Академии наук указано, что недостаток денежных средств (в семинарии он обучался за казенный счет) не позволили ему поступить в университет, поэтому Ф.М. Россейкин был направлен в Московскую Духовную Академию, куда и был принят по результатам конкурсного экзамена. На II курсе обучения в Московской Духовной Академии Ф.М. Россейкин взаимодействует по вопросу о переводе в университет с преподавателем Академии и Императорского Московского университета В.О. Ключевским, однако «необходимость поддерживать семью отца» не позволила решить этот вопрос[1].

В 1905 году он окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Федор Михайлович – выпускник LX курса с правом при соискании степени магистра не держать новых устных испытаний, в течение года состоял профессорским стипендиатом. Следует отметить, что за лучшее кандидатское сочинение по церковной истории он был удостоен премии протоиерея А.М. Иванцова-Платонова в размере 160 рублей, а также премии митрополита Московского Макария в размере 97 рублей за лучшие семестровые сочинения, написанные им в течение первых трех курсов[2].

Отзыв на сочинение на степень кандидата богословия Ф.М. Россейкина «Первое правление патриарха Фотия» на собрании Совета Московской Духовной Академии 29 мая 1905 года дал экстраординарный профессор Иван Дмитриевич Андреев, под руководством которого Федор Михайлович выполнял работу. В отзыве он отмечал: «…эта работа обнимает только первое правление Фотия. Для одного года более, чем достаточно. Об этом говорит уже размер сочинения: оно занимает 650 стр. очень убористого письма, что равно 800 стр. в обыкновенной переписке. – Сочинение распадается на 24 главы»[3].

В июне-августе 1905 г. Федор Михайлович посетил Турцию (Константинополь), Грецию (Афины) и Египет (Каир, развалины Мемфиса) с целью образовательной историко-археологической экс-

[1] Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39 Л. 10.

[2] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1905 г. Сергиев Посад, 1906. С. 426-428.

[3] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1905 г. Сергиев Посад, 1906. С. 217.

курсии[4]. Уже с августа следующего года до 1910 г. он занимал должность доцента по кафедре древней гражданской истории. В связи с закрытием кафедры Ф.М. Россейкин подал прошение об избрании на вакантную должность по кафедре истории Греко-восточной церкви со времен отпадения Западной церкви от вселенской до настоящего времени, в котором указал, что выбор данной должности для него был определен «во-1-х, научным интересом, привлекающим к этой области исторического знания, во-2-х, работой над темой по истории византийской церкви IX века»[5]. По предложению и отзыву ординарного профессора по кафедре истории древней церкви Анатолия Алексеевича Спасского о научной деятельности, Россейкин Федор Михайлович 6 октября 1910 г. единогласно был избран Советом Московской Духовной Академии на вакансию доцента по кафедре истории Греко-восточной церкви со времен отпадения Западной церкви от вселенской до настоящего времени[6]. Отметим, что в должности доцента, (чин титулярного советника) он продолжал свою трудовую деятельность до 1915 года.

Следует отметить и труды Федора Михайловича со студентами и их исследовательскими работами (кандидатскими), причем сохранились отзывы Ф.М. Россейкина, которые хранятся в фондах Российской государственной библиотеки (г. Москва). Например, на работы П. Будрина «Экономические и духовные факторы в истории» (1908), С. Виноградова «Отношение между церковью и государством в Византии при Македонской династии» (1913), В. Зедгенизева «История распространения христианства на Руси в нашествия монголов до конца XVI века» (1913), Д. Дюлгерова «Вопрос о папском главенстве и непогрешимости в богословском и историческом освещении католических богословов эпохи Ватиканского собора» (1915), А. Загорского «Критическое обозрение источников по истории богомильства» (1915), С. Ляде «Священное писание как единственный источник и критерий христианской истины в богословской доктрине М. Лютера» (без даты), Н. Никольского «Отношение Соловецкого монастыря к никоновским новшествам» (без даты), «Русская церковь в смутное время» (1913) и на кандидатское сочинение Н. Никольского «Св. Мефодий, патриарх Константинопольский» (1917). А так же на студенческие работы (кандидатские) А. Орлова «А.А. Киреев как богослов и деятель по старокатолическому вопросу» (1916), А. Плотникова «Обзор источников по истории иконоборчества» (1914), Н. Смирнова «Социологическая теория Н.К. Михайловского и христианство» (1908)[7].

Многие рецензии опубликованы в журналах собраний Совета Московской Духовной Академии, например, в 1910 г. – отзывы на кандидатские сочинения студентов Е. Рождественнского «Святая царица Феодора» и В. Лимачева «Византийский взгляд на государственную власть и его значение для древней Руси»[8].

Отметим, что свою диссертацию на соискание степени магистра богословия «Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского» Ф.М. Россейкин представил 5 июня 1915 г. на рассмотрение Совету Московской Духовной Академии на коллоквиуме. В этот период он работал в должности доцента по кафедре истории Греко-восточной церкви со времен отпадения Западной церкви от вселенской до настоящего времени, в связи с историей Славянских церквей и Румынской (Россейкин, 1915). Официальными оппонентами

[4] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 7.

[5] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1910 г. Сергиев Посад, 1911. С. 398-399.

[6] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1910 г. Сергиев Посад, 1911. С. 399-401.

[7] Отдел рукописей Российской государственной Библиотеки. Ф. 172. Опись архива Московской Духовной Академии (1801-1930 гг.). Т. 3-5.

[8] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1910 г. Сергиев Посад, 1911. С. 365- 516.

при защите диссертации выступили экстраординарные профессора Московской Духовной Академии по 1-й кафедре патрологии Иван Васильевич Попов и по кафедре истории и обличения западных вероисповеданий, в связи с историей Западной церкви от 1054 года до настоящего времени, Анатолий Петрович Орлов, который с 1917 по 1922 гг. занимал должность ректора Московской Духовной Академии. «Совет единогласно признал защиту удовлетворительной, а магистранта достойным в утверждении искомой им степени магистра богословия и в должности доцента Академии»[9].

Диссертация состояла из введения, 18 глав, трех приложений. Работа объемом в 487 страниц была издана в 70 экземплярах[10] в городе Сергиев Посад. За этот труд Фёдор Михайлович был удостоен второй премии митрополита Макария за 1915/1916 год. В «Историческом вестнике» уже в 1916 г. была опубликована критика на его работу, где отмечается, что в диссертации пересмотрено правление патриарха Фотия, его первые годы. В сочинении, состоящем из восемнадцати глав, отмечает автор критики, несмотря на отсутствие новых, преимущественно греческих, документов, актуальны для современной науки постановка вопроса, научное решение и детали исследования[11].

Влияние как на формирование научных интересов, так и на личностное развитие Ф.М. Россейкина в значительной степени оказывал преподавательский состав Московской Духовной Академии, где в конце 1917 г. преподавали такие известные историки, философы, богословы, как профессора Алмазов Александр Иванович, Глаголев Сергей Сергеевич, Богословский Михаил Михайлович, который неоднократно упоминал Федора Михайловича и его жену Зинаиду Александровну в дневниках 1913-1919 гг.; экстраординарные профессора Попов Иван Васильевич, Флоренский Павел Александрович, Туницкий Николай Леонидович[12]. Звание экстраординарного профессора Академии Ф.М. Россейкин получил в 1917 году.

В это время он являлся членом собора Православной Российской церкви, который действовал в Москве в 1917-1918 гг. и был созван для преобразования Православной церкви в связи с изменением государственного строя (Кравецкий, 2002). В связи с тем, что избранные от Московской Духовной Академии делегаты в Предсоборный Совет ординарный профессор И.В. Попов и помощник Ректора архимандрит Иларион по объективным причинам не смогли принять участие в Совете, 22 июня 1917 г. Совет Московской Духовной Академии единогласно избрал делегатом экстраординарного профессора Академии Феодора Михайловича Россейкина (Российская православная церковь. Священный собор. (Москва. 1917-1918), 1918: 9). В 1917 году состоялось первоначальное открытие Московского Епархиального съезда, причем собранием Совета Московской Духовной Академии делегатом на съезд был избран Ф.М. Россейкин, что говорит о его активной церковной деятельности (Адрианов, 2017: 42).

Как опытный педагог, Ф.М. Россейкин принимал активное участие в создании новой системы образования и с сентября 1918 г. являлся членом Постоянного совещания по реформе высшей школы (Горянов, 1952: 301-302). Однако в связи со сложностями, которые возникли в быту, в конце 1918 г. он был вынужден переехать вместе с семьей в город Новый Оскол Курской области (ныне Белгородская область). Годы Гражданской войны Ф.М. Россейкин провел в Новом

[9] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1915 г. Сергиев Посад, 1917. С. 494-495.

[10] Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии за 1915 г. Сергиев Посад, 1917. С. 110-118.

[11] Критика и библиография. Ф.М. Россейкин Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Петроград. Т. CXLIV. 1916. С. 539-542.

[12] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год: 24-й год издания (46-й год издания «Адрес-календаря» г. Москвы, изд. Моск. Гор. Управой). М.: Тов-во А.С. Суворина "Новое Время", 1917. Стб. 287.

Осколе, который переходил из рук в руки и являлся опорным пунктом Красной Армии. Россейкин Ф.М. принимал активное участие в местной партийной организации, представители которой отмечали, что «Россейкин М.В. известен нам как гражданин положительный по отношению к Советской власти, и как энергичный и дельный общественный и педагогический работник»[13]. Уже в 1919 г. он занимал должность библиотекаря (организатора) Красноармейского клуба при военной части в городе Новый Оскол[14].

При работе с документами из фондов Государственного архива Белгородской области было установлено, что в период 1920-1921 гг. Ф.М. Россейкин продолжил трудовую деятельность в Новом Осколе, и его основным местом работы стала школа II ступени, где он преподавал историю и обществоведение с 1918 г.[15]. В школе было 10 отделений и интернат. К концу 1920-1921 учебного года здесь числилось 295 учеников (132 мужчины и 163 девушки).

Педагогическую деятельность в г. Новый Оскол продолжила и жена Федора Михайловича, Зинаида Александровна Россейкина (Нагаткина). Выпускница гимназии и Московских женских педагогических курсов Тихомирова, в 1918 г. она стала единственным учителем Чубаровской единой трудовой школы I ступени Новооскольского уезда, Пригородной волости (адрес г. Новый Оскол, Курская обл., хутор Чубаровка). Основных классов в школе было 3, учеников – 22 (9 мужчин, 13 девушек)[16].

В листке по учету кадров, который хранится в научном архиве Института российской истории Академии наук отмечено, что в 1922-1923 гг. Ф.М. Россейкин занимал должность заведующего школой II ступени в Новом Осколе[17]. Параллельно до августа 1923 г. он совмещал основную работу с работой в сельскохозяйственном техникуме, где читал лекции для рабочих и крестьян района. При этом он вел значительную общественную работу, в течение трех лет состоял в президиуме уездного комитета Союза работников просвещения, а так же работал членом Упрофбюро[18].

Интерес представляет тот факт, что в 1920 г. Федор Михайлович был избран профессором Воронежского государственного университета по факультету общественных наук. Но избранием не воспользовался, так как в это время довольно сложно было существовать с семьей в Воронеже. 17 августа 1923 г. он был уволен из школы II ступени г. Новый Оскол[19].

В 1923 г. Россейкин Ф.М. переезжает с семьей в Москву. В 1923-1929 гг. он преподавал в Талицкой школе Пушкинского района Московской области, в 1929-1931 гг. – преподаватель Пушкинской школы II ступени Московской области, в 1931-1933 гг. – преподаватель Ивантеевского профтехнического комбината Московской области, в 1933-1940 гг. – преподаватель Мытищенского индустриального рабфака при заводе им. Кагановича. 1940-1941 гг. – преподаватель и директор Калининградской школы взрослых г. Калининград; 1941-1945 гг. – преподаватель Зеленоградской средней школы[20].

Отметим, что с 1923 по 1930 гг. он работал в методической комиссии Московского отдела народного образования и Института методов школьной работы, а в 1927 г. получил звание научного работника и был утвержден Центральной комиссией по улучшению быта ученых (ЦКУБУ), в подтверждение чего имелись отзывы про-

[13] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 10 об.
[14] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 7 об.
[15] Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-688. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
[16] ГАБО Ф. Р-688. Оп. 1. Д. 20. Л. 220
[17] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 7 об.
[18] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 10.
[19] ГАБО Ф. Р-688. Оп. 1 «Л». Д. 87. Л. 265.
[20] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 9.

фессоров Д. Егорова, Ю. Готье, и М.К. Любавского, а также академика Ф.М. Успенского. В отзыве профессоров отмечалось в качестве подтверждения научных заслуг кандидата, что «здесь мы все время видим подлинную историческую сцену – Византию в одном из наиболее интересных и ответственных ее моментов… Автор – хороший источниковед, и множество ценных критических замечаний и заметок обильно разбросано по всему, очень внушительному ученому аппарату…»[21].

Несмотря на то, что его основная деятельность была связана с преподавательской работой, Ф.М. Россейкин продолжает проводить исследования, а уже с 1925 г. в рамках своих научных интересов выполняет поручения Русско-Византийской комиссии Академии наук СССР. Отметим, что со смертью в 1928 г. академика Федора Ивановича Успенского, с которым Россейкин поддерживал переписку, прекратилась и связь с византиноведением, но он продолжал изучать труды по византологии, составлять списки журнальных статей и монографий, и часть материала позднее была принята для публикации в Византийском сборнике. С 1943 г. он вошел в состав созданной при Институте истории АН СССР группы по истории Византии (Горянов, 1952: 301-302).

В годы Великой Отечественной войны М.Ф. Россейкин с семьей (жена, две невестки, внук и внучка) находился в Москве, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»[22]. Оба его сына – участники Великой Отечественной войны. Старший Михаил 1911 г.р. погиб в звании лейтенанта, младший Николай 1913 г.р. – капитан, военный врач, был дважды ранен.

8 июня 1944 г. в Дирекцию Института истории Академии наук СССР потупило письмо членов-корреспондентов Владимира Ивановича Пичеты и Евгения Алексеевича Косминского с рекомендацией Ф.М. Россейкина на должность старшего научного сотрудника, в котором отмечалось, что он принимает деятельное участие в работе группы по истории Византии, а его работа, посвященная патриарху Фотию, «не была защищена в качестве диссертации, но по своему научному уровню она несомненно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям»[23]. Важным фактом биографии Федора Михайловича является зачисление его на должность исполняющего обязанности старшего научного сотрудника института истории Академии наук СССР, в соответствии с приказом № 22 по Институту от 3 февраля 1945 г.[24]. И в этом году в Византийском сборнике АН СССР вышло два его исследования совместно с Николаем Степановичем Лебедевым: «Издание византийских текстов в западноевропейской литературе» и «Византия и славяне. Библиография»[25].

Ф.М. Россейкину не пришлось защищать диссертацию кандидата наук, так как его магистерская диссертация, защищенная в 1915 г., по своим научным и содержательным аспектам соответствовала высокому уровню научной работы. Поэтому его магистерская диссертация «Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского» была учтена и, в порядке исключения, на основе постановления Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования СССР от 10 мая 1946 г. № УС 52-24 была рассмотрена в Ученом совете Института истории Академии наук СССР. По итогам, на основании решения Совета, автору была присвоена ученая степень кандидата исторических наук[26].

[21] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 20.

[22] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 11 об.

[23] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 17.

[24] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 22.

[25] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 14.

[26] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 13.

А уже через месяц, 20 июня 1946 г., заседанием Президиума Академии наук СССР кандидату исторических наук Ф.М. Россейкину было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника[27]. После приема на работу в Институт истории АН СССР Федор Михайлович продолжил научно-исследовательскую деятельность. В отчете о проделанной им научной работе в 1947 г. было указано, что он принимал участие во всех заседаниях византийской группы, где неоднократно выступал с докладами. Темой его исследования стала «Византийская дипломатия и церковная миссия в IX веке», которая была рассмотрена на заседании византийской группы (15.10.1946 г.) Предметами изучения стали хазарская миссия и пересмотр основных вопросов изучения кирилло-мефодиевской проблемы в истории моравской миссии и византийско-славянских отношений[28].

В 1950 г. выходят такие его работы как «Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в.» и «Рецензия на: R. Devreesse. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe» (Россейкин, 1950: 245-257). В это же время Ф.М. Россейкин начал исследовательскую масштабную работу по теме «Византия и Московская Русь» (Россейкин, 1950: 282-290).

Таким образом, деятельный педагог и ученый, несмотря на все изменения, которые происходили в его жизни, внес значительный вклад в создание новой школы в первые годы советской власти, а его научные труды – в становление педагогического образования и историю отечественной византологии. Федор Михайлович ушел из жизни 31 мая 1951 года и похоронен в Москве (Горянов, 1952: 301-302). Незадолго до смерти, 18 апреля 1951 г., в связи с хронической формой заболевания и переводом на инвалидность, он был освобожден от занимаемой должности старшего научного сотрудника. В 1952 году в Византийском временнике был опубликован некролог и портрет Ф.М. Россейкина.

Авторы выражают благодарность за содействие в работе старшему научному сотруднику, заведующему Научным архивом ИРИ РАН Константину Сергеевичу Дроздову.

The authors are grateful for the assistance in the work of Konstantin Sergeyevich Drozdov, the senior researcher, head of Scientific archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Литература

Андрианов, Г. Участие священномученика Илариона Верейского в событиях отечественной церковной жизни 1917 года // Ипатьевский вестник: научно-богословский журнал. 2017. № 5. С. 39-50.

Голубцов, С.А. Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М.: Мартис, 1999. 78 с.

Горянов, Б.Т. Ф. М. Россейкин (1879-1951) // Византийский временник. 1952. Том 5 (30). С. 301-302.

Кравецкий, А.Г. Биографические сведения о членах Поместного Собора Православной российской Церкви 1917-1918 гг. М., 2002. [Электронный ресурс] URL: http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/7971/ (дата обращения: 15.04.2019).

Россейкин, Ф.М. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. // Византийский временник. 1950. Том 3 (28). С. 245-257.

Россейкин, Ф.М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1915. [4], IV, 491 с.

Россейкин, Ф.М. Рецензия на: R. Devreesse. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe // Византийский временник. 1950. Том 3 (28). С. 282-290.

Российская православная церковь. Священный собор. (Москва. 1917-1918). Деяния.

[27] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 13.

[28] НА ИРИ РАН. Ф. 1. Опись личных дел. Д. 39. Л. 19-19 об.

Кн. 1, вып. 1: Деяния 1-16: [предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборнаго совета и собора]. М.: Издание Соборного Совета, 1918. 143, [1] с.

References

Andrianov, G. (2017) "Participation of the Holy Martyr Hilarion of Vereisk in the events of the national church life of 1917", *Ipatevskij Vestnik*, 5. 39-50 (in Russ.).

Golubtsov, S. A. (1999), *Moskovskaja Duhovnaja Akademija v nachale XX veka. Professura i sotrudniki. Osnovnye biograficheskie svedenija* [Moscow Theological Academy at the beginning of XX century. Professors and staff. Basic biographical information], Martis, Moscow, Russia (in Russ.).

Goryanov, B. T. (1952), "F. M. Rosseikin (1879-1951)", *Vizantiyskiy Vremennik*, 5 (30), 301-302 (in Russ.).

Kravetskij, A. G. (2002), *Biograficheskie svedenija o chlenah Pomestnogo Sobora Pravoslavnoj rossijskoj Tserkvi 1917-1918 gg.* [Biographical information about members of the Local Council of the Orthodox Russian Church, 1917-1918] Moscow, Russia. [Online], available at: http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/7971/ (Accessed 15 April, 2019) (in Russ.).

Rosseikin, F. M. (1950) "Bourgeois historiography about the Byzantine-Moravian relations in the middle of the 9th century", *Vizantiyskiy Vremennik*, 3 (28), 245-257 (in Russ.).

Rosseikin, F. M. (1915), *Pervoe pravlenie Fotija, patriarkha Konstantinopol'skogo* [The first reign of Photius, Patriarch of Constantine-Polish], tipografija Svjato-Troickoj Sergievoj Lavry, Sergiev Posad, Russia. (in Russ.).

Rosseikin, F. M. (1950). "Review of: Devreesse. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe", *Vizantiyskiy Vremennik*, 3 (28), 282-290 (in Russ.).

Rossijskaja pravoslavnaja tserkov'. Svjashhennyj sobor. (Moskva. 1917-1918). Dejanija. Kn. 1, vyp. 1: Dejanija 1-16 (1918), [Russian Orthodox Church. Holy Cathedral (Moscow. 1917-1918). Acts 1-16], Izdanie Sobornogo Soveta, Moscow, Russia (in Russ.).

***Информация о конфликте интересов**: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, директор музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; *denisova@bsu.edu.ru*

Лю-Ку-Тан Виктория Александровна, специалист по экспозиционной и выставочной деятельности музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, аспирант, кафедра российской истории и документоведения, историко-филологический факультет, педагогический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; *lyu-ku-tan@bsu.edu.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Director of Museum, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; *denisova@bsu.edu.ru*

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan, Expert on representational and exhibition activities of the History Museum of Belgorod National Research University, Postgraduate Student, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; *lyu-ku-tan@bsu.edu.ru*

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-6

T. R. Hamraeva

HISTORICAL-REGIONAL STUDIES ACTIVITY OF THE STATISTICAL COMMITTEES IN TURKESTAN (IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES)

Andijan State University, 129 Universitetskaya St., Andijan city 170100, Republic of Uzbekistan;
magistr10@rambler.ru

Abstract. The article on the basis of a rich documentary material shows local history and publishing activities of statistical committees, the publication of articles of scientific and local history nature, the involvement of intellectuals, scientists, travelers to the statistical service. The relevance of this topic of the article is determined by the need to systematize and summarize the available data on a new conceptual and methodological basis, a comparative analysis of concepts and scientific views on this problem. Of particular importance for national history is the study of the history of statistical committees not only as state institutions, the order of action of which was regulated by the legislative bodies of the empire, but also as scientific and as local history centers of the regions of Turkestan. So, the statistical science of the second half of the 19th – early 20th centuries. Achieved significant success in its development. In Turkestan, statisticians conducted several unique statistical works that served as the basis for the subsequent development of statistical practice and the formation of a local statistical service. The most important of these works are a topographical description of the regions, including descriptions of individual regions of the country with their historical, geographical, administrative and economic characteristics. For the activities of the statistical service of the Turkestan region was characterized by a variety of forms and method of work, the choice of which was due to specific needs, objectives and development of the statistical system.

Key words: library; statistics; statistical committee; statistical science; census; Turkestan region; statistical source; county; review

For citation: Hamraeva, T. R. (2019), “Historical-regional studies activity of the statistical committees in Turkestan (in the second half of the 19th – early 20th centuries)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 46-54, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-6

Хамраева Т. Р.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ТУРКЕСТАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Андижанский государственный университет, ул. Университетская, д. 129, г. Андижан 170100, Республика Узбекистан; *magistr10@rambler.ru*

Аннотация. На основе богатого документального материала показана краеведческая и издательская деятельность статистических комитетов, публикация статей научно-краеведческого характера, привлечение к работе статистической службы представителей интеллигенции, ученых, путешественников. Актуальность данной темы определяется необходимостью систематизации и обобщения имеющихся данных на новой концептуально-методологической основе, сравнительного анализа концепций и научных взглядов на данную проблему. Особое значение для отечественной истории имеет изучение истории статистических комитетов не только как государственных учреждений, порядок действия которых регламентировался законодательными органами империи, но и как научных и краеведческих центров областей Туркестана. Статистическая наука второй половины XIX – начала XX вв. достигла значительных успехов в своем развитии. В Туркестане статистиками было проведено несколько уникальных статистических работ, послуживших базой для последующего развития статистической практики и становления местной статистической службы. Важнейшие из этих работ: топографическое описание областей, включавшие описания отдельных районов страны с их историческими, географическими, административными и экономическими характеристиками. Для деятельности статистической службы Туркестанского края было характерно разнообразие форм и способов работы, выбор которых был обусловлен конкретными запросами, задачами и развитием системы статистики.

Ключевые слова: библиотека; статистика; статистический комитет; статистическая наука; перепись; Туркестанский край; статистический источник; округ; обзор

Для цитирования: Хамраева Т.Р. Историко-краеведческая деятельность статистических комитетов Туркестана (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5, № 2, 2019. С. 46-54. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-6

Several unique statistical works had been carried out in Turkestan, which served as the base for further development of statistical experience and formation of the local statistical sciences. The most important of these works were: general description of Turkestan, general survey and topographical description of regions, including description of separate areas of the country with their historic, geographical, administrative and economic characteristics.

After 1891 activities of committees enlarged in many aspects, committees began to collect not only review for scheduling, but also different material of particular scientific character and concerned with publishing and some degrees of enlightenment activities.

In the framework of our research, a particular attention is paid to historical-regional studies activities of the regional statistical committees. V.V. Bartold also noted this side of the matter. It was said that during the period after the conquest of Turkestan “one of the

conditions of success of the scientific work was correct organization of regional study deal, which wasn't managed to reach". Bartold considered that from official publications the best place for premises of scientific articles were publication of the statistical committees (Bartold, 1927: 207-208).

The regional reviews with detailed information about "natural and production power", public facilities, irrigation system, ways of communication, population and its occupation, taxes, administrative mechanism, public health and enlightenment, public improvement, meteorological observations and etc. took a particular place. These reviews accompanied consolidated statistical tables.

About 100 reviews were published in total, including "Review of Sirdarya Region", 1886-1913 (Tashkent, 1887-1916), "Review of Fergana Region" 1884-1913, (New Margelan-Skobelev, 1889-1916), "Review of Semirech Region" 1892-1912, (Verniy, 1893-1914), "Review of Transcaspian Regions", 1891-1914, (Ashgabad, 1893-1916). (Bartold, 1927: 20) The published committee material had higher stage development of statistical date and were more detailed and objective than data having been collected by different offices of the colonial administration of the country before the organization of these committees.

In the review of the first book of collection of material for statistics of Sirdarya Region the following wasn't said in vain: "It's impossible not to be glad about appearance of this book: it's the first statistical publication in Turkestan, undertaken participation of people taken for statistical work willingly, not by on routine duty. In this, the main value of "Collection" sad experience of many years showed full insolvency of "government statistics". (Geyer, 1981: 7).

Until now these material are valuable (and partially single) source studying socio-economic and regional studies history of Turkestan from 80-90s of XIX.

Besides regional reviews, the committees also issued their works and other publications. For instance, Sirdarya committee published a volume of its works, 13 issues "collection for statistics of Sirdarya Region, as well as "address-reference book of Turkestan… with the calendar for 1910" made by I.E. Stupakov.". (Dobrosmislov, 1912: 306) Collection of material for the statistics of Samarkand Region is the first and single issue published by Samarkand Regional statistical committee under the editorship of M. Viskiy (Virskiy, 1889: 129), including statistical data for 1887-1888 as well as several articles os Regional-Studies character (agriculture and school deal). Then, the committee published 10 issues of "Reference book of Samarkand Region" (1893-1914).

Transcaspian Regional statistical committee was limited in this plan by publishing "Address-reference book of Transcaspian Regions" and "Address-reference book of Transcaspian Regions for 1915". Fergana Regional statistical committee issued 3 volumes of "Yearbook of Fergana Region", New Margelan, I-III, 1902-1904) and "Address-reference book of Fergana Region" (Skobelev, 1912).

Specified publications of the committees contained mostly publications of scientific-regional studies character. It's true, not all of them stood for the former level of the scientific requirements. There were not large fundamental works among them at all. But many of have not lost their significance yet, particularly those which covered actual material. From the works, containing interesting material for historical-economic and cultural-economic description of separate populated points and terrain in Turkestan, it's fair to mention: M.S. Andreev's "Historical notes about Hodjent" (Reference book of Samarkand region, 1896); M. Virskiy's "Essay of Yangi-Kurgan volost, Djizak uyezd, Samarkand Region on data about land-tax works" (Reference book of Samarkand region, X, 1902); A. Vishnegirskiy's "Short list of populated places in Turkestan to January, 1888", (address-guide to Transcaspian Regions for 1915); E.T. Smirnov's "Undiscovered country, Banks of the Sirdarya, History, Husbandry and irrigation of the Kirgiz" (Collection of

materials for statistics of Samarkand region, 1895).

In the works of the committees questions related with the study of vakf and vakf documents were exposed: V.V. Blagoveshenskiy, "To the matter of vakf in Sirdarya Region" (Collection of materials for statistics of Syrdarya region, 1891); M. Virskiy, "Madrassahs and mosques in Samarkand and their vakf properties" (material for statistics of Turkestan, IV, 1886); V.L. Vyatkin, "About the vakfs in Samarkand Region" (Reference book of the Samarkand region, IX, 1907); A. Moskaltsev, "Research of vakfs in Tashkent uyzd" (Collection of materials for statistics of Syrdarya region, IV, 1885); V.P. Nalivkin, "Position of vakf matter in Turkestan before and after its conquest" (Yearbook of Fergana region, III, 1904) and etc.

Translations of eastern manuscripts with commentaries to them were also published: V.L. Vyatkin,"Samarkand and its vicinities in the past on description of Sultan Babur Mirza", translation of "Baburnama" (Reference book of Samarkand region, 1896); "Code of decebcy in the East" ("Adab-ul-salin-hin"), Collection of Mukhammed Sadik and Kashgari, Nil Likoshin translated from Turkic (IV, 1895); N.S. Likoshin- "Translation of Risola-i-tarikat" (VII, 1899); "Wisdom of Hazrat-Sultan-Arif-Hodja-Ahmad-Yassaviy", translated by N.S. Likoshin from Turkic (SMSSDO, IX, 1901), "About fortunetelling of Central Asian inhabitants", (Reference book of Samarkand region, IX, 1907).

Publications on history and modern condition of handcrafting production of the country had significance among the ethnographic material: S. Bilkevich,"Carpet production (Turkmenistan)", "Address-guide on Transcaspian Regions for 1915"; N. Vasilyev, "Sewing workshops in Tashkent" (Collection of materials for the statistics of Syrdarya Committee, 1892); N.I. Gabbin, "Handcrafting industry in Tashkent" (VII, 1899); and "Handcrafting industry", II, "Production of arabas" (VIII, 1900); A.A. Divayev, "Ethnographic material" (III, 1894); N.A. Kirpichnikov, "Short essay on several local industry in Samarkand Region" (V, 1897); U.O. Yakubovskiy,"Bindry of the local people of Samarkand" (1896) and others. Sirdarya committee (Collection of materials for statistics of Syrdarya region, XI, 1904, XII, 1905) published two parts of extensive work of A.P. Shishlov "Sarts".

Samarkand statistical committee published mostly capital works written by V.L. Vyatkin, a well-known researcher of Turkestan, during pre-Revolutionary period. On the pages of "Reference book of Samarkand region" very important V.L. Vyatkin's works were published. For instance, translation of the manuscripts of Mir Abu Tahir, a sadr of "Samariya" of Samarkand containing the most important data for historians and archeologists on the description of Samarkand and its antiquities. "Material on the historical-geography of Samarkand Region" (SKSO, VII, 1902) by V.L. Vyatkin had a particular significance among the material on historical topography and evaluated highly by V.V. Bartold as other "vyatkin works" (works by V.L. Vyatkin take absolutely a particular place among the works on the history of Turkestan). In our days, A.U. Yakubovskiy noted above-mentioned works of V.L. Vyatkin "as valuable on the wealth of collected material". (Vyatkin,
1896: 30).

Archeological marks of M. Virskiy, A. Pozdneva, F. Poryakov, V. Chertov and others, which had not lost their importance, in particular, for making archeological map of Central Asia, were also published among the committee works.

A little material was also published on economy and trade of the country, on business relations and others, rather interesting things and tests of the protocols of the statistical committee meetings.

Finally, the list of administrative points and populated places, information about private staff of civil and military institutions, educational institutions and others in the country hasn't lost their particular reference importance.

It's fair to note that committee works caused sympathetic, as a rule, more positive review not only in the local publishing but also in central scientific publications, moreover there were such great scientists as V.V. Bartold ("Notes of the Eastern Branch of the Russian archeological society", IX, pp. 297-299; XII, pp. 122-125; XIII, p. 115; XV, pp. 50-56; XVIII, pp. 181-191; XXI, pp. 143-145); L.S. Berg ("News of Russian geographical society", XI, p. 418); N.I. Veselovskiy (Statistical information on the upland Tyumen of Zeravshan district, III, p.141) and others among the reviewers.

So, more varied contents of the statistical committee works wholly claimed and are claiming attention of researchers, first of all, working on the field of social sciences.

From the first day of its existence the committee petitioned about forming public library, institution of the rank associate member, as well as permit of publishing newspaper which would include "the works of scientists before the study of the country referring", alongside with the governmental dictations.

The proposal of the committee about publishing newspapers, its purpose and contents did not remain fur tile.

In 1870, a large print house opened, in the same year the first newspaper of the country "Bordereau of Turkestan" began to be published – the first official newspaper, initiated periodic publications in the country. (Tursunov, 2007: 76)

This official publication was to serve spreading information about governmental and administrative dictations in the country and assist a wide study of Turkestan and adjacent countries of the Orient. (Avsharova, 1960: 65-69)

In ditto, time conventionally, unofficial part of the newspapers served as the source of various information on nature, economy and history of the country. Such a famous scientists as V.V. Bartolid, I.U. Krachkovskiy, M.S. Andreyev, N.A. Arisov, V.L. Vyatkin, N.I. Veselovskiy and many others emerged with their publications here. (Shodmonova, 2007: 76). Already in 1870 addition to "Bordereau of Turkestan began to be published in Uzbek" ("Newspaper of Turkestan," from 1887 to 1916 – "Native newspaper of Turkestan") and its unofficial part also contained a lot of material on Regional Studies. The circulation of the newspaper and its readers were limited, publication of the 1st Uzbek newspaper itself had a particular positive importance. The material published on the pages of unofficial parts of the newspapers certain cognitive nature and certainly, assisted rapprochement of the literate part of the local population with the Russian culture.

Thereafter the addition of this newspaper was published in Uzbek and Kazak, having a purpose to bring dictations and orders of the tsarist administration of the country to the local executives. From the beginning of 1883, these additions turned into an independent newspaper "Turkestan marginal newspaper". It became a weekly publication. Its circulation was about 500-600 copies in total. On the pages of the newspaper, short information on the history and geography of Russia, China, India, notes on agriculture and industry of Turkestan, notes of natural sciences, geographical-astronomic references and even whole articles were published. Besides official material, extracts from the works of the classics of the Russian Literature were also published in them. Translated texts of several classic works of the Russian literature, works of the local authors as Furkat, Mukumiy and others were also published in the newspapers.

"Turkestan marginal newspaper" was not only used by Russian powers of the country as an organ, informing population about various administrative dictations and events. The readers of "Turkestan Bordereau" were basically local executives, bourgeoisie, merchants and intellectuals. These newspapers also penetrated into the local schools in the order of private subscription.

In the 80s of XIX "Turkestan marginal newspaper" included material which introduced its readers with the lives and creative activities of A.S. Pushkin, I.S. Turgenev,

L.N. Tolstoy and other greatest writers of Russia (Hajiahmetov, 1965: 215).

The democratic Russian intellectuals played an important role in development of cultural life of Turkestan (Kudinova, 1976: 132). Representatives of a small local intellectuals rendered, an active help to it.

In pre-Revolutionary period other official and private publications were also issued in Turkestan. So, according to data in 1916, the followings were published in Russian in Sirdarya Region: a private newspaper "Courier of Turkestan", a weekly magazine "Agriculture in Turkestan", an illustrated fortnightly journal "Landowner of Turkestan". The followings were published in Uzbek: monthly journals "Dehkan" and "Islah". The newspapers "Ashgabad", "Messenger of Central Asian railways" were published in Russian, "Transcaspian native newspaper" in Turkman and Persian in Transcaspian Region. "Fergana marginal bordereau" in Russian was published in Fergana, "Voice of Turkestan" a daily newspaper in Andijan, "Semirech marginal bordereau" and from January, 1910 "Semirech agricultural slip" which was sent to all villages gratis in Semirech Region.

Articles, messages, correspondences and other material, placed in these newspapers introduced the readers not only with Russian literature and events of socio-political life in the country, Russia and other countries, but also with the achievements of sciences and technology.

After joining Turkestan to Russia an important event occurred in the field of cultural life of Central Asian nations – the typography appeared for the first time.

Before joining the country to Russia the demand for literature, in some measure, was satisfied only with manuscripts unless considering some eastern lithography, accidentally got into Turkestan from abroad. The manuscripts were multiplied by remarkable calligraphists, skillful copiers and arranged by miniaturists, public masters of the book deal (Kari Niyazov, 1955: 85).

Basically, madrassahs and mosques had handwritten books in limited amount. They were not available for broad mass. The first typography opened in Tashkent in 1868.

The lithography played a greater role in deal of spreading books in Central Asia.

Books in the form of manuscript had more narrow circle of people, cost much and mainly representatives of exploiter class could afford to them.

An important consequence of joining Central Asia to Russia was activity of Russian progressive adjusted intelligence, which brought ideas of leading democratic thoughts here. As a result, political, economic and social changes began to occur, which created favorable ground for the development of progressive ideology and culture. Attracting the leading representatives of Russian sciences to the study of the country had a great importance. A lot of scientific expeditions set out here in the middle of XIX. Lots of beginner-scientists came willingly to Turkestan as teachers, doctors, agronomists and etc. in order to combine official work with scientific one.

The representatives of scientific community of Russia opened a branch of all-Russian scientific institutions and societies in Central Asia and began many-sided research and cultural-educational work among the local population. Many of them devoted themselves not only to research of natural resources of Turkestan, but also to a deep study of its history, culture, language and economy.

Development of scientific research brought forth the problem of gathering printed material concerning with Turkestan and neighboring countries. Literature about the country which was little at first began to mash room after joining the country to Russia. Short reports and information about multiple expeditions, conducted after 1875 in purpose of studying and reclamation of the country, became to be published widely. The works of N.M. Przhevalsky, I.V. Mushketov, travel notes of P.P. Semyonov, works of N.A. Mayev about Turkestan and others were issued.

A lot of articles on particular matters of political and economic history and ethnogra-

phy of Central Asia appeared in the Central periodic publications. Everyone who interested in Turkestan needed material from newspapers, journals, books. There appeared need for creation of public library in Tashkent (Lytkina, 1957: 11).

The first books for the library, for making perfect, which proceeded from 1867, arrived in Tashkent in 1868 with great difficulties and then there was no railway yet. The list of all donated and gained books was formed. These, several hundreds of books initiated creation and opening of Turkestan Public Library in Tashkent in May, 1870. Its organization was the first step to relief work of scientists on investigating the country.

The Public Library was the first scientific and public institution in Central Asia. But at the beginning of its activity, it developed as one of many provincial libraries of the tsarist Russia; on contents it was spent caskets, the staff did not exceed 5 people. The library was in the chancelleries of the governor-general and was managed personally by him.

The remarkable code of sources, collected in the funds of the library, was a unique "collection of compositions and articles of Turkestan referring, particularly to Central Asia and Turkestan" (Kasimov, 1959: 70-77). It consisted of 594 volumes containing books and articles from newspapers and journals about pre-Revolutionary Turkestan.

Pre-Revolutionary existence of Turkestan Public Library had been vastly renewed for 47 years. If it had 20 000 books for the first 30 years, its fund rose, more than 57 800 books for the next 6-7 years, and in 1917 more than 80 000 books were numbered (Sergeev, 1935: 38).

The activity of Turkestan Public Library noticeably brightened in 1906-1910 when the number of the readers, attendance and amount of issued books vastly increased. Somewhat it was explained that the library became available for people with little facility and students, since the guarantee for use of books for this part of readers was reduced from 1906. In 1916 books were used by 1500 readers. Thus, the number of visits was about 30 000 and more than 38 000 books were given out.

The first scientific and educational societies, concerning with the study of natural resources, history and economy of the local population, were organized in Turkestan with initiative of progressive adjusted Russian scientists (Kasimova, 1981: 19).

In propaganda of the achievements of the Russian science and culture, in familiarization with natural wealth, past and present, life and economy of Turkestan, libraries of scientific societies formed basically from books of scientific contents, received from the members of the societies, rendered assistance (Lunin, 1962: 78).

The matter of library was repeatedly discussed in the meetings of the societies. Received books of scientific contents gratis sent on for keeping to Turkestan Public Library with the right of free use of them by society members.

Nearly simultaneously with the opening of the public library in Tashkent and in Samarkand in 1868 on order of governor-general K.P. Kaufman, libraries opened within military parts and subdivisions. 11 military libraries were numbered in Tashkent and 9 in Samarkand. The base of these libraries consisted of compositions, referring to mainly military sphere and natural sciences and mathematics, had literature on other branches of knowledge as well as literary works, journals, maps, plans and others.

The initiative of organization of the libraries belonged basically to private people as well as to different enlightenment societies.

Private libraries either existed not long in Turkestan as in Russia because of lack of material support in persecution on the part of powers. All the libraries, including private ones, were under the police control. And pulling to enlightenment was so great that new and new libraries opened in the country.

It's fair to emphasize that majority of the libraries belonged to different organizations and societies as well as private people were chargeable. In 1905, a private library opened within the newspaper "Samarkand." It

had more than 3 000 volumes of books, also drawn central and local newspapers and journals. Each month the number of visitors increased. From April 1 to June 20, 1905, more than 1 500 readers visited the library.

The opening of several provincial libraries timed for the hundredth birthday of A.S. Pushkin. So, in 1899 a town library opened in New Margelan (now Fergana). A little later, town libraries opened in Kokand and Namangan. A town library was organized in Andijan. If it had 1547 volumes of books and 11 975 people used them at the beginning of 1909, the fund of the library rose to 4180 volumes and the number of members reached 14 516 people.

Organization and development of the libraries in Turkestan within the period from 1868 to 1917 occurred in complicated historic conditions. On the one hand reactionary antinational policy of the Russian empire restrained cultural development of the nations, in particular, limited the activities of the libraries by putting them into bad position and in every way pretending to open national cultural centers. On the other hand, effort of leading Russian intelligence promoted the development of library network and accessibility of the libraries for workers. Thereby, work, done by leading Russian intelligence on formation of library deal, however allowed to creation the base and gain experience on the base, which turned into a successful cultural construction though it changed cultural level of the scolded nationalities a little.

References

Avsharova, M. P. (1960), *Russian periodic publication in Turkestan (1879-1917). Bibliographic pointers*, State Publishing House UzSSR, Tashkent (in Russ.).

Bartold, V. V. (1927), *Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana* [The history of cultural life in Turkestan], Leningrad (in Russ.).

Geyer, I. I. (ed.), (1981), *Collection of material for the statistics of Sirdarya Region*, S.I. Lakhtin, Tashkent (in Russ.).

Dobrosmislov, A. I. (1912), *Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskiy ocherk* [Tashkent in the past and present. Historical essay], Tashkent (in Russ.).

Hajiahmetov, A. (1965), "Russian literature in pre-Revolutionary Turkestan", *Zvezda Vostoka*, 214-218 (in Russ.).

Hamraeva, T. R. (2011), *Creation of statistical service in Turkestan and its activity (the end of 19th – the beginning of 20th centuries) (on the example of Fergana province):* Thesis of the dissertation of PhD in history, Tashkent, (in Russ.).

Kari Niyazov, T. N. (1955), *Essays on the history of culture in Soviet Uzbekistan*, Academy of Sciences of the USSR, Moscow (in Russ.).

Kasimov, A. G. (1959) "Collection of Turkestan", *The Soviet Bibliography*, 5, 70-77 (in Russ.).

Kasimova, A. G. (1981), *Istoriya bibliotechnogo dela v Uzbekistane* [History of Librarianship in Uzbekistan], Ukituvchi, Tashkent (in Russ.).

Kudinova, O. M. (1976), "Some questions of development of the Russian official publication in provinces and 'Turkestan bordereau'", *Voprosy zhurnalistiki* [Question of journalism], Publishing house of Tashkent University, Tashkent, 132-133 (in Russ.).

Lunin, B. V. (1962), *Nauchnyye obshchestva Turkestana i ikh progressivnaya deyatel'nost' (konets XIX – nachalo XX veka)* [Scientific societies of Turkestan and their progressive activities (late XIX – early XX century)], Fan, Tashkent (in Russ.).

Lytkina, E. (1957), *Bibliotechnoye delo v Tashkente do 1917 g.* [Librarianship in Tashkent until 1917], Uzdavnashr, Tashkent (in Russ.).

Sergeev, B. S. (1935), *The most valuable eastern manuscripts of the State Public Library of the UzSSR*, Proceedings of the State Public Library of the UzSSR, State Publishing House of the UzSSR, Tashkent, vol. 1. (in Russ.).

Shodmonova, S. (2007), "From the history of the official publications in Turkestan. (On example of newspaper 'Turkestan bordereau')", *Ŭzbekiston tarikhi* [History of Uzbekistan], 4, 88-89. (in Russ.).

Tursunov, R. (2007), "Problems of social-economic life in Turkestan in the national periodic publications at the beginning of the twentieth century", *Ŭzbekiston tarikhi* [History of Uzbekistan], 1, 74-85 (in Russ.).

Virskiy, M.(comp.) (1889) *Commercial address of Turkestan*, Samarkand (in Russ.).

Vyatkin, V. L. (1896), "Samarkand and its environs in the past according to the description of

Sultan Babur Mirza. Translation from Babur-name", *Statistical Committee of the Samarkand region,* Samarkand, 30-32. (in Russ.).

Литература

Авшарова, М.П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870-1917). Библиографический указатель. – Ташкент: Гос. Изд-во УзССР, 1960. 198 с.

Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград: АН СССР, 1927. 256 с.

Вяткин, В.Л. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию султана Бабура Мирзы. Перевод из Бабур-намэ // Статистический комитет Самаркандской области. Самарканд, 1896. С. 30-32.

Добросмыслов, А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Б.и., 1912. 520 с.

Кары-Ниязов, Т.Н. Очерки истории культуры советского Узбекистана. М.: АН СССР, 1955. 560 с.

Касымов, А.Г. «Туркестанский сборник» // Советская библиография. 1959. № 5. С. 70-77.

Касымова, А.Г. История библиотечного дела в Узбекистане. Тошкент: Ўқитувчи, 1981. 169 с.

Кудинова, О.М. Некоторые вопросы развития русской официальной печати в провинции и «Туркестанские ведомости» // Вопросы журналистики. Сб. науч. трудов ТашГУ. Ташкент, 1976. Вып. 511. С. 132-133.

Лунин, Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – начало XX века). Ташкент: Фан, 1962. 344 с.

Лыткина, Е. Библиотечное дело в Ташкенте до 1917 г. Ташкент: Уздавнашр, 1957. 48 с.

Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области / Издание Сыр-Дарьинского Областного Статистического комитета; И.И. Гейер (ред.). Ташкент: Типо-Лит. С.И. Лахтина, 1891. 446 с.

Сергеев, Б.С. Ценнейшие восточные рукописи Государственной публичной библиотеки УзССР: Труды Государственной публичной библиотеки УзССР. Ташкент: Госиздат УзССР, 1935. Том 1. 38 с.

Туркестанский коммерческий адрес-календарь 1898 г. / сост. М. Вирский. Самарканд: Самаркандский обл. стат. ком., 1898. 68 с.

Турсунов, Р. Проблемы социально-экономической жизни Туркестана в национальной периодической печати в начале XX столетия // Ўзбекистон тарихи. Ташкент, 2007. № 1. С. 74-85.

Хаджиахметов, А. Русская литература в дореволюционном Туркестане // Звезда Востока. Ташкент, 1965. № 12. С. 214-218.

Хамраева, Т.Р. Создание статистической службы в Туркестане и ее деятельность (конец XIX – начало XX вв.) (на примере Ферганской области): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 2011. 28 с.

Шодмонова, С. Из истории официальной печати Туркестана (на примере газеты «Туркестанские ведомости») // Ўзбекистон тарихи. Ташкент, 2007. № 4. С. 88-89.

Conflict of Interests: *author has no conflict of interests to declare.*

Информация о конфликте интересов: *автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

ABOUT THE AUTHOR:

Tanzilya R. Hamraeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of World History, Andijan State University, 129 University St, Andijan city 170100, Republic of Uzbekistan; *magistr10@rambler.ru*

ОБ АВТОРЕ:

Хамраева Танзиля Равильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой "Всемирная история", Андижанский государственный университет, ул. Университетская, 129, г. Андижан 170100, Республика Узбекистан; *magistr10@rambler.ru*

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 130.3 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-7**

Бёрджесс Д. П.

СВЯТОСТЬ И СВОБОДА: ВЗГЛЯД ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО[1]

Питтсбургская Богословская Семинария, Н. Хайленд-Авеню, 616, Питтсбург 15206, США;
jburgess@pts.edu

Аннотация. Исследование, отраженное в докладе, направлено на важнейшие взаимосвязанные феномены в жизни православной церкви – святость и старчество. Рассматривается философско-богословское учение о. Павла Флоренского о сво-боде святых как истинной форме духовной жизни, в основе которой – духовная любовь.
Ключевые слова: П. А. Флоренский; святость; свобода; духовная любовь; старчество.

Для цитирования: Бёрджесс Д. П. Святость и свобода: взгляд Павла Флоренского // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 55-59. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-7

J. P. Burgess

HOLINESS AND FREEDOM: THE VIEW OF PAVEL FLORENSKY

Pittsburgh Theological Seminary, 616 N. Highland Ave., Pittsburgh, PA 15206 USA;
jburgess@pts.edu

Abstract. This essay examines the interrelationship of holiness and spiritual eldership, two phenomena of exceeding importance in the Orthodox Church. The essay focuses on the philosophical-theological teaching of Fr. Pavel Florensky, who regards the freedom of the holy person as the truest expression of the spiritual life. For Florensky, spiritual love is the foundation of this freedom.
Keywords: Pavel Florensky; holiness; freedom; spiritual love; eldership.

[1] Публикация подготовлена на основе доклада, сделанного автором 12 апреля 2019 года на теоретическом семинаре кафедры философии и теологии, приуроченном к Неделе науки в институте общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета (https://www.bsu.edu.ru/bsu/news/news.php?ID=552335&IBLOCK_ID=176).

For citation: Burgess J. P. (2019), "Holiness and freedom: the view of Pavel Florensky", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 55-59, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-7

Я американский протестантский богослов, но интересуюсь Православной Церковью в России и уже пятнадцать лет регулярно приезжаю в Россию, чтобы проводить исследования. В этом году я приехал в Белгород, чтобы изучать феномен старчества в советской России. Я хочу узнать больше об уникальных личностях этого времени, таких как Серафим Тяпочкин (1894-1982) из села Ракитное Белгородской области. Почему в то время верующие тянулись к старцам? Влияет ли наследие старчества на Церковь сегодня? Когда я начал искать ответы на эти вопросы, то скоро понял, что это требует многих лет исследования и осмысления. Я нахожусь еще в самом начале.

Но сегодня я хочу рассказать о том, как я открыл в религиозной философии священника Павла Флоренского идеи, которые касаются моих вопросов о старчестве. Когда я начал свою работу в Белгороде, то узнал случайно – или, может быть, промыслительно, – что Флоренский тоже интересовался феноменом старчества и сам был знаком с некоторыми старцами, когда учился в Московской Духовной Академии. Так я начал читать Флоренского (на русском языке!): сначала его житие об одном старце, отце Исидоре из Гефсиманского скита в Сергиевом Посаде; потом некоторые его самые известные статьи – «Троице-Сергиева лавра и Россия», «Моленные иконы преподобного Сергия» и «Иконостас»; и наконец, «Столп и утверждение истины» – его главный богословский труд.

Как видите, я не специалист по Флоренскому; я расскажу о своей первой встрече с мыслителем, идеи которого часто превосходят мою способность понимания, и не только из-за того, что я не носитель русского языка. Как уже сказал, я нахожусь еще в самом начале, но может быть, вам будет интересно узнать, чем Флоренский поражает меня. Для Флоренского самый яркий пример настоящей свободы встречается в святом человеке, в том числе в старце. Только святой человек на самом деле понимает, в чем заключается тайна свободы: в такой любви, которая проявляется в Троичной любви Бога. Если мы хотим быть свободными, нам нужно любить так, как сам Бог любит.

Как любит Бог? Флоренский считает, что «духовная любовь» выражается в «преодолении границ самости, в выхождении из себя» (Флоренский, 2017b: 96). Такая любовь проявляется в отношении ипостасей Троицы друг к другу. Отец являет себя Отцом только в том, что он отдает себя полностью Сыну и Святому Духу. Сын являет себя Сыном в том, что он отдает себя полностью Отцу и Святому Духу. Святой Дух являет себя Святым Духом в том, что он отдает себя полностью Отцу и Сыну. Каждая ипостась отождествляется с другой, а через их единство каждый обретает себя и становится личностью. Как пишет Флоренский, «в этом-то "опустошении" <…> себя происходит обратное восстановление [себя]» (Флоренский, 2017b: 97).

Каждая ипостась свободно выбирает эту любовь, а эта любовь уважает свободу каждой другой ипостаси. Духовная любовь не навязывает, не стесняет. Более того, такая же любовь проявляется в отношении Бога к твари, к миру, который он сотворил. Бог поставляет «рядом с Собою» самостоятельное бытие и дарит ему свободу «развиваться по собственным своим законам». Эта «идея о смирении Божием, о самоумалении Божием <…> дала почву для признания твари самостоятельною и потому нравственно ответственною за себя перед Богом» (Флоренский, 2017b: 293). Бог позволяет каждому человеку свободно выбрать его отношение к Богу и к твари.

Грех проявляется в том, что человек свободно выбирает рабство у самого себя. Используя свою свободу, чтобы утвердить

себя против других, он становится замкнутым в себе и лишается присущей ему способности воспринимать мир в качестве сотворенной красоты, которая указывает на красоту совершенной Троичной любви Бога. Грешный человек пытается быть «самим собой», но он на самом деле не знает, кто он. Флоренский считает, что такой человек оказывается в состоянии бесконечного сомнения и постоянного отчаяния. Бог жалеет грешного человека. Он не карает его, не заставляет его измениться. Наоборот, он смиряет себя «до последнего предела: Бог, вступая в мир, отлагает образ славы Своей и принимает образ Своей твари. <…> Бог любит тварь Свою и мучается за нее, мучается грехом ее. Бог простирает руки к твари Своей, просит ее, призывает ее, ожидает к Себе блудного сына Своего» (Флоренский, 2017b: 293-94).

По милости Бога в каждом веке появляются люди, которые используют свою свободу, чтобы ответить на призыв Бога к покаянию. Они выбирают путь аскетизма, освобождаются «от плена плотской ограниченности» (Флоренский, 2017b: 66) и обращаются к Богу. Флоренский подробно описывает состояние этих подвижников. Он считает, что они начинают новую жизнь, жизнь в Святом Духе. Они становятся духоносителями (Флоренский, 2017b: 321). Они живут в этом мире, но одновременно над ним, на границе видимого и невидимого. С одной стороны, они свидетельствуют о воплощении Бога. Бог входит в наш сотворенный мир и прикасается к подвижнику. С другой стороны, подвижники свидетельствуют о действии Святого Духа, который одухотворяет подвижника и возводит его в горний мир, в Царство Божие. Для Флоренского, Сергий Радонежский представляет собой вершину святости. Он был достоин созерцать внутреннюю жизнь Святой Троицы, истину которой Андрею Рублеву удалось передать в своей известной иконе (Флоренский, 2017c: 138-49).

Флоренский утверждает, что, если бы мы были достаточно одухотворены, нам было бы достаточно смотреть на Христа и Богоматерь, чтобы приобщиться к Богу. Но, пишет он, «по немощности духовного зрения молящихся, Церкви, в заботе о них, приходится пристраивать некоторое пособие духовной вялости» (Флоренский, 2017a: 28). Здесь Флоренский имеет в виду иконы. Но он добавляет, что икона не заменяет собой общение с тем, о котором она свидетельствует. Через икону мы вступаем в общение со святым человеком, которого она изображает. Он делает для нас «близким и доступным» невидимый духовный мир (Флоренский, 2017a: 27). Мы можем заключить, что Флоренский считает общение с живыми подвижниками, старцами, тоже прикосновением к духовному миру.

Каждый подвижник открывает в себе «тот корень вечности, который дан ему чрез соучастие в недрах Троичной Любви» (Флоренский, 2017b: 321). Благодаря этому, он может проявлять любовь к другим. Он любит мир, как Бог любит мир. Флоренский пишет: подвижники «стяжали <...> Духа и в благодатных дарах Утешителя находят силу для высшей любви к твари» (Флоренский, 2017b: 313). Несмотря на извращение твари из-за человеческого греха, подвижник «видит в вещах знамения Божии и Божии письмена. <…> Вся природа – “книга” для него» (Флоренский, 2017b: 279). Он стремится «воспринимать *всю* тварь в ее первозданной победной красоте» (Флоренский, 2017b: 314). Он не считает «существующий порядок [мира] “естественным”, но – извращением естества, однако любит мир истинною любовью, и грязь, насевшую на нем, милосердно терпит и покрывает своею кротостию» (Флоренский, 2017b: 300). «Бесконечная *острая* жалость и трепет благоговейной *любви* жалит сердце подвижника, лишь только очистил его от коры греха» (Флоренский, 2017b: 292).

В житии старца Исидора Флоренский описывает свою личную встречу с такой духовной любовью. Здесь я не буду приводить примеры того, как о. Исидор про-

является те черты святости, которые мы уже выделили. Вместо этого мы вернемся к вопросу о свободе святого человека. Флоренский утверждает, что святой человек может жить «по извечно-данному [твари] образу бытия. <…> Он свободно самоопределяется в отношении к Творцу и Отцу» (Флоренский, 2017b: 295). Так и о. Исидор любит по свободе, которую Бог дает своей твари. С одной стороны, о. Исидор жил по свободе сыновей Божьих. Флоренский пишет: «Авва никого не боялся, ни пред кем не искательствовал, ни для кого не забывал своего достоинства человеческого, всегда чувствовал себя самовластным, свободным и подчинялся одному лишь Богу» (Флоренский, 2018: 448). С другой стороны, о. Исидор показывал другим путь к свободе перед Богом. Флоренский пишет, что, когда о. Исидор исповедовал, «исповедник видел себя пред лицом не человека <…> а перед лицом Самой Вечности. <…> Ни сетований, ни упреков, ни даже единого движения на лице Старца. Одним словом, каждый исповедующийся твердо знал, что попал в царство *свободы*» (Флоренский, 2018: 458).

В заключение я хочу выделить глубокий богословский момент у Флоренского. У подвижника есть способность, пишет Флоренский, видеть в каждом человеке «само-стоятельное, само-законное и само-ответственное творение Божие, возлюбленное Богом и способное отвечать на любовь Его» (Флоренский, 2017b: 293). Подвижники учат нас тому, что настоящая свобода заключается в новом сознании. Мы смотрим другими глазами вокруг нас. Духовная любовь освобождает нас видеть и уважать образ и подобие Бога даже в грешном, извращенном человеке: он «способен отвечать на любовь Бога».

Недавно я познакомился с пожилой женщиной, которая долгое время ездила каждую субботу в село Ракитное к старцу Серафиму. Она рассказала мне: «всегда по дороге туда я думала о своих вопросах и проблемах, которые я хотела, чтобы батюшка решил. Но как только я приезжала и встречала его, все мои тяготы уходили. Не надо уже было спрашивать ничего». Эта женщина ощущала такую духовную любовь, которая освобождала ее от уныния и замкнутости, так что она могла видеть весь мир в свете вечности.

Литература

Флоренский, П.А. Иконостас (1919-1922) // Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017 (a). С. 9-118.

Флоренский, П.А. Соль Земли // Флоренский П. А. Богословские труды: 1902–1909. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 427-495.

Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017 (b). 905 с.

Флоренский, П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия (1919-1922) // Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017 (c). С. 130-144.

References

Florensky, P. A. (2017a), “Iconostasis (1919-1922)”, *Istoriya I filosofiya iskusstva* [History and philosophy of art], Akademichesky proekt, Moscow, Russia, 9-118 (in Russ.).

Florensky, P. A. (2018), “The Salt of the Earth”, *Bogoslovskie Trudy* [Theological works: 1902–1909], St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, 427-495 (in Russ.).

Florensky, P. A. (2017b), *Stolp I utverzhdenie istiny. Opit pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis’makh* [The pillar and ground of the truth. The experience of the Orthodox theodicy in twelve letters], Akademichesky proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Florensky, P. A. (2017c), “The Trinity-Sergius Lavra and Russia (1919-1922)”, *Istoriya I filosofiya iskusstva* [History and philosophy of art], Akademichesky proekt, Moscow, Russia, 130-144 (in Russ.).

***Информация о конфликте интересов**: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Бёрджесс Джон Пол, профессор, Ph.D., Питтсбургская Богословская Семинария, Н. Хайленд-Авеню, 616, Питтсбург 15206, США; *jburgess@pts.edu.*

ABOUT THE AUTHOR:

John Paul Burgess, Professor, Ph.D., Pittsburgh Theological Seminary, 616 N. Highland Ave., Pittsburgh, PA 15206 USA; *jburgess*@pts.edu

УДК 130.2 **DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-8**

Купчичев С. С.

СЦЕНИЧЕСКОЕ ТЕЛО (ЗАМЕТКИ К «ТЕАТРАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ» Э. БАРБЫ И Н. САВАРЕЗЕ)

Белгородский государственный академический театр драмы им. М. С. Щепкина, Соборная пл., д. 1, г. Белгород 308000, Россия; *shamansss@mail.ru*

Аннотация. Почти десятилетие назад в российском культурно-философском пространстве появилось русское издание «Театральной антропологии» Э. Барбы и Н. Саваресе. Близкий юбилей соотносим с еще одной примечательной датой, сорокалетием Международной школы театральной антропологии, основанной Э. Барбой. Юбилейные заметки посвящены актуальным междисциплинарным смысловым структурам и доминантам энциклопедического издания – своего рода практической философии театрального действия. Анализ «Театральной антропологии» позволяет уточнить возможные границы действительных и действенных проявлений актерского существования, в широком спектре театральных практик. В качестве ключевого концепта «Театральной антропологии» исследуется понятие сценического тела, которое позволяет уточнить особую телесную свободу актерского действия, – на уровне простейших связностей тела, в их соотнесении с неустранимой свободой сценической ситуации. Следуя антропологическим построениям Э. Барбы и Н. Саваресе, представляется важным обратить внимание на «психофизический аппарат исполнителя», который в практике театрального представления может обретать качества, не свойственные ему в обычной жизни. Предложенные в «Театральной антропологии» известные или изысканные формы телесно-зрелищного искусства, как показывается в заметках, позволяют перейти от восприятия сценического поведения как необходимости что-то выражать к возможности увидеть в нем самостоятельную ценность – основания своего рода деятельной идентичности актерской работы.

Ключевые слова: Эудженио Барба; Никола Саваресе; театральная антропология; сценическое тело; принцип оппозиции; актерское присутствие; кодификация театрализованного зрелища

Для цитирования: Купчичев С.С. Сценическое тело (заметки к «Театральной антропологии» Э. Барбы и Н. Саваресе) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 60-71. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-8

S. S. Kupchichev

STAGE BODY, OR JUBILEE NOTES TO “THEATER ANTHROPOLOGY” (RE)CONSTRUCTED BY EUGENIO BARBA AND NICOLA SAVARESE

Belgorod State Academic Drama Theater behalf of M. S. Schepkina, 1 Cathedral Sq., Belgorod 308000, Russia; *shamansss@mail.ru*

Abstract. The Russian edition of “Theater Anthropology” by E. Barba and N. Savarese almost a decade ago appeared in the philosophical space of Russian culture. The close anniversary is quite correlated with another remarkable date, the fortieth anniversary of

the International School of Theater Anthropology, founded by E. Barba. The jubilee notes are devoted to current interdisciplinary semantic structures and dominants of the encyclopedic publication as a kind of practical philosophy of theatrical action. The analysis of "Theater Anthropology" clarifies the boundaries or the threshold senses of real and effective manifestations of acting, in a wide range of theatrical practices. The concept of the stage body allows to point to the special bodily freedom of acting, or the simplest connections of the body in their correlation with the ineradicable freedom of the stage situation. It seems important to pay attention to the "psychophysical apparatus" of "becoming performer" of Barba's anthropological performance; the quite refined forms of body-entertainment art proposed in "Theater Anthropology" seems allow not only to recognize any visual perceptions of stage behavior but to express a deep ontological dignity of theatrical action.
Keywords: Eugenio Barba; Nicola Savarese; theatrical anthropology; stage body; principle of opposition; acting presence; codification of the dramatized spectacle

For citation: Kupchichev S. S. (2019), "Stage body, or jubilee notes to 'Theater anthropology' (re)constructed by Eugenio Barba and Nicola Savarese", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 60-71, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-8

Актер и «онтологический свидетель»

В пьесе Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» есть такой эпизод: актер, встретив в Эльсиноре Розенкранца и Гильденстерна, которые до этого, будучи единственными зрителями, бросили (не совсем по своей воле) его бродячую труппу посреди представления, на почве уязвленного самолюбия разражается монологом, начинающимся словами: «Мы – актеры, мы нечто обратное людям! <...> мы отказались от самих себя, как требует наша профессия, – уравновесив это дело мыслью, что кто-то на нас смотрит» (Стоппард). Это патетическое, мистифицирующее заявление можно уточнить двумя совершенно житейскими, обывательскими наблюдениями, из тех, которые обычно не принято обсуждать, настолько они очевидны.

Первое – грубое, я бы даже назвал его мужским. Театр отличается последовательно неадекватным поведением людей на сцене: они утрированно говорят или двигаются, просто много двигаются, или, наоборот, застывают на месте и произносят длиннейшие монологи, изображают некую флору или фауну, начинают танцевать или петь без видимой причины, принимают противоестественные позы, бросаются в истерику, поминутно плачут, хохочут, кричат, да просто строят рожи, наконец. С точки зрения житейской логики такое поведение избыточно и бессмысленно.

Второе – несколько мечтательное, что ли. Сценическую ситуацию можно охарактеризовать так: кто-то что-то делает только потому, что на него в данный момент смотрят. Пассивная (на первый взгляд), необязательная позиция обязывающего к действию наблюдателя выступает как нечто первичное, онтологическое по отношению к, зачастую, очень активному взаимодействию. Само по себе это взаимодействие не событийно, оно ничто, и лишь тогда начинает обретать плоть, когда «включается» в событие-взгляд. Забавно провести мысленный эксперимент, представив, что в разгар спектакля зрители, все как один, встали и покинули представление. Фантазия рисует достаточно уморительную картину с одной стороны, и – совершенно уничтожающий, травмирующий акт, с другой – со стороны исполнителей. Призовем стоппардовского актера с его красноречием в помощь и позволим закончить свой монолог: «И вот, как несмышленые дети, приплясывая, в одежде, которую

никто не носит, твердя слова, которых никто не говорит, в дурацких париках, клянясь в любви, распевая куплеты, убивая друг друга деревянными мечами, впустую вопя о потерянной вере после пустых клятв отмщения – и каждый жест, каждая поза растворялись в прозрачном, необитаемом воздухе <…> Пока продолжался длинный монолог убийцы, мы, не смея шелохнуться, застыв в своих позах, сначала с надеждой, потом с неуверенностью, потом уже в полном отчаянии обшарили глазами каждый куст, каждый бугорок, каждый угол – но вас нигде не было. Потом головы зашевелились, шеи стали вытягиваться – осторожно, как у ящериц, труп невинной Розалинды подал признаки жизни, и король запнулся. Даже тогда сила привычки и упорная надежда, что наша публика всё-таки следит за нами из-за какого-нибудь куста, еще долго заставляла тела наши бессмысленно двигаться, рты раскрываться – хотя уже ни складу ни ладу не было, – пока всё это, как телега о камень, не споткнулось о тишину. Никто не подошел. Никто нас не окликнул. Тишина была ненарушимой, гнетущей, бесстыдной. Мы сняли наши короны, и мечи, и золотое тряпье и молча двинулись по дороге к Эльсинору» (Стоппард).

Получается, можно осторожно предположить, что исполнитель, актер в условиях представления находится в крайне интересном и противоречивом состоянии (которое уже не столь очевидно), подвергнут любопытным психофизическим и ментальным трансформациям, «растянут» на поверхности удивительного парадокса – между наглядной, неустранимой искусственностью действия и этого же действия обратной потенцией – чем более оно выглядит естественным, спонтанным, «настоящим», тем больший эффект оно будет производить на зрителя (этого «онтологического свидетеля»). Есть в этой ситуации что-то «неухватываемое», ускользающее – некая тайна состояний «неадекватного», «обратного» человека театра.

Границы театральной антропологии

Самое время уточнить телеологию «Словаря театральной антропологии». Интерес его создателей сосредоточен как раз на изучении «физического самочувствия и поведения человека как живого существа в ситуации представления» (Барба, Саварезе, 2010: 8). Здесь надо бы по порядку.

Сформировавшаяся вокруг неусидчивого ученика Ежи Гротовского Эудженио Барбы международная школа театральной антропологии (International School of Theater Anthropology, далее – ISTA или Школа) за свою 25-летнюю историю передвижной театральной лаборатории собрала вокруг себя группу «*ученых*, специалистов по европейскому и азиатскому театру, *артистов*, вышедших из разных актерских *школ*» (выделено мной. – С.К.) (Барба, Саварезе, 2010: 8). Относительно последних, думаю, необходимо обрисовать примерные контуры разброса этих школ: здесь представители условного обобщенного европейского театра, современной пантомимы, японских театров Но и Кабуки, ученик ученика Мейерхольда, исполнители балийских и индийских танцевальных представлений, современного балета, пекинской оперы и пр. Очевидно, такая «материальная база» уже сама по себе задавала уровень дерзновений: во-первых, попробовать, что называется, «обогатить» подходы к актерскому воплощению за счет интеркультурных взаимодействий и, во-вторых, постараться нащупать общие принципы организации сценической жизни (если таковые вдруг имеются), так сказать, «посмотреть широтой вглубь». Но, уточним, «делая акцент не на глубинных и гипотетических причинах их сходства, а на возможных способах их конкретного применения» (Барба, Саварезе, 2010: 9).

Результатом этого процесса, кроме всего прочего (вроде конкретных постановок и представлений), явилось его самоопределение как «театральной антропологии», в рамках которой продуцировались различные содержательные гипотезы,

оформлявшиеся в статьи, книги, научные или околонаучные работы. А непосредственный объект нашего интереса, «Словарь театральной антропологии. Тайное искусство исполнителя» (далее – «Словарь») можно назвать «витриной» этого процесса, собравшей под своими створками ряд самых примечательных и основополагающих работ, размышлений. Цельность и некоторую фундаментальность «Словарю» придает тот факт, что это именно всамделишный словарь (главы располагаются в алфавитном порядке по первой букве их названия), то есть текстовое пространство, организованное, исключая лаконичные предисловие и вступление, не по принципу повествования-линии, а как мозаичная плоскость; можно даже пофантазировать, назвав его географической картой, картой области Театральная Антропология, где главы – острова или материки. Содержательно, несмотря на то что собственное целеполагание авторами выводится из простого вопроса, «какое направление следует избрать исполнителю, чтобы найти материальные основания своего искусства?» (Барба, Саварезе, 2010: 8), «Словарь» разрастается в явление, обладающее, как часто пишут в аннотациях к подобным книгам (и эта не исключение!) «широким историческим и культурным контекстом», грозя стать интересной «для всех, кто занимается вопросами искусства» (как пишут в тех же аннотациях). И это замечательно: человека хлебом не корми – дай позаниматься вопросами искусства!

Уточняя смыслы театральной антропологии (в рамках и в понимании ISTA), Э. Барба на нескольких абзацах в предисловии и вступлении настойчиво отмежёвывается как от культурной антропологии, так и от претензий на строгую научность вообще.

«Единственное сходство между деятельностью ISTA и культурной антропологией – это изучение событий “явленных глазу” (как мы у себя их называем), связанных с перемещением, путешествием, стратегией огибания препятствий, что позволяет более точно понять собственную культуру. <…> Театральная антропология не является областью изучения зрелищной стороны тех событий и фактов, которые обычно изучают антропологи. Поэтому театральную антропологию не следует смешивать с антропологическим аспектом демонстрируемого зрелища. <…> Театральная антропология – это изучение поведения человеческого существа, использующего как инструмент свои психофизические свойства (свое присутствие) для некоей демонстрации, притом организованной в рамках предварительного замысла, не имеющего отношения к обыденной жизни. Театральная антропология не отыскивает общие истинные принципы, она собирает полезные указания. Она не скована самоуничижительным смирением науки, но заносчиво стремится отыскивать полезные для работы знания. Не жаждет обнаруживать “законы”, но наблюдает за правилами поведения» (Барба, Саварезе, 2010: 7-8).

А раз рассматриваемая нами деятельность связана с перемещением, путешествием, почему бы нам не подобрать эквивалент этим действиям в нашем рассмотрении и тоже не отправиться в своеобразное свободное путешествие по страницам «Словаря», тем более что мы уже успели представить его в виде карты. В качестве средства передвижения, правда, не остается ничего иного, кроме как моего непоседливого впечатлительного чувства, ну так, может, оно и к лучшему?

«The paper canoe»[1]: кодификация, технология, разрыв

Театральное действие есть антропологическая перемена места – перемещение и путешествие внутри событийного театрального взаимодействия. Во всяком перемещении, изменении границ есть свой горизонт порядка – conditio sine qua non. Наивным было бы исключить «Словарь» из общей логики театральной антрополо-

[1] (Barba E. The paper canoe; ср.: Барба, 2008).

гии, тем самым поставив Э. Барбу в неловкое положение внешнего наблюдателя, «антропологического посетителя с Марса» (Поппер, 2000: 99). «Словарь» наполнен фактичностью терминов, специфически использованным языком, индуцированными нерядовой, конкретной и растянутой во времени практикой, с предметностью чуждых нам традиций, кодифицирующими интерпретациями театральных явлений и анализом театральных технологий, направленных на «огибание препятствий» и т.п. «Ловушки интерпретации» для читателя словаря почти неизбежны, но – почему бы не позволить увлечь себя имманентной антропологией словаря? Ответить поиском возможных эквивалентов его театральной фактичности?[2]

Самое интересное и непривычное для русских читателей словаря место – театр Но. Элементы сцены, организующие это пространство: опорный столб, где стоит *ваки* (второй актер), лестница, ориентировочный столб (для актеров в масках), дверь для благородных персонажей, столб для флейтиста, столб для *ситэ* (первого актера), раздвижная дверца для выхода хора, боковая перегородка, перегородка-задник, на которой всегда нарисована сосна, столб для прислужника на сцене, столб для *кёгена* (комического актера), первая сосна, столб, отмечающий границу пространства, вторая сосна, третья сосна, окно, чтобы смотреть на сцену изнутри, занавесь, зеркало в «комнате с зеркалом», столб двери у занавеси, задняя перегородка моста (Барба, Саварезе, 2010: 89). Можно сказать, что это не место, а сплошной спойлер – если так выглядит любая конкретная площадка Но, если действие происходит в вечно идентичных «декорациях», перспектива неожиданных эффектных постановочных ходов заметно сужается и, резче говоря, возникает вопрос об адекватности самого термина «постановка».

Можно было бы также составить подобный перечень и относительно обязательных элементов сценического поведения исполнителей Но, того, что пока с осторожностью назовем актерской техникой. «Театр Но часто определяют как искусство ходить, художественный мир, созданный ногами. В театре Но основополагающую технику работы ног называют “*суриаси”* – “скольжение”. Скользя, можно идти, оборачиваться, топать. <…> В театре Но создан особый стиль ходьбы, тесно связанный с формой сцены, этот стиль и сейчас постоянно рафинируется, упорядочивается, что диктуется специфической значимостью выразительного языка ног. Но эти замечания относятся не только к театру Но, их можно применить и ко всему театральному искусству. В любых формах театра поступь должна пребывать в согласии с требованиями искусства» (Барба, Саварезе, 2010: 87).

Конечно, здесь мы уткнемся в некий здравый смысл, представляющий Восток как оплот традиции и упорядоченности, культуру повторения, в противоположность «пораженному духом изменчивости» Западу. Но вот нарочитое наставление Э. Барбы: нас не интересует «антропологический аспект демонстрируемого зрелища» и «как выстраивается так называемый театральный язык», нас интересует человек внутри сценической ситуации, его трансформации (на всех, а прежде всего на базовом – физиологическом – уровнях), то, чем они обусловлены, – в том числе, деятельной конкретностью его пространства, его ритмом, «пространством-во-времени» (семантика времени, похоже, приобретает в «ловушке интерпретации» Барбы картезианский оттенок, понимается не эсхатологично или количественно, а как сугубая длительность, протяженность телесного мира театрального действия) – соотношением идентичности конкретного спектакля к этим «принципам в традиции», положением «второй сосны», или же, сказать иначе, строго органичным набором правил

[2] О разнообразии подходов к исследованию театральной антропологии см., например: (Шестакова, 2008). Ср.: (Золотухин; Кухта, 2002; Новик, 2019; Отан-Матье).

поведения («органичным набором "советов первейшей важности"»).

Технологический момент примера Но – жесткая кодификация большинства элементов сценического действия: архитектура сцены, маршрут движения актера, походки, положение «однофункциональных» дверец, свойства сценических костюмов, «правильное вербальное поведение» и т.д. Подобным образом начинается и «Словарь» – с противопоставления исполнителей азиатского Востока (как носителей кодифицированной, «замкнутой в своих границах стилистики») и современного Запада (не располагающих в своей практике таким «набором добрых советов», вынужденных опираться только на текст, указания режиссера, какие-то обще-технические навыки, привитые в процессе обучения, если таковое было, индивидуальную «актерскую кухню»; здесь речь идет, конечно, в первую очередь, о драматических артистах). «Кодификация – это зримая последовательность неких физиологических процессов, происходящих в исполнителе, пытающемся расширить их; к кодификации прибегают для сохранения в нетронутом виде каких-то механических, динамических и силовых характеристик тех явлений, что мы наблюдаем в жизни. Кодификация – это формализация. Следовательно, в ней признали визуальные свойства, которые были дополнены "эстетической" ценностью» (Барба, Саварезе, 2010: 122). Код здесь, получается, – этакий кусок культурного слоя, который, в качестве инструмента актерской работы, в условиях непрерывной, «живой» традиции может помочь исполнителю создавать сиюминутные напряжения-связи с публикой (нечто слабо уловимое), так сказать, «поверх» непосредственного смысла и драматургии действия. Любопытен пример из истории внедрения *мудр* (жестов со специфическим положением кистей рук, имеющих религиозные корни) в искусство индийского танца, выступающих и как инструмент прямого повествования, и как «обеззначенный» элемент стилистики: «Но наиболее интересные с точки зрения пре-экспрессивности свойства *мудр* кроются в том, как их употребление (и сам принцип кодификации) соотносится с двумя основными категориями, на которые делится весь индийский театрализованный танец. В танцах-интерпретациях (*нритья*) мудры составляют тот истинный язык, о котором ранее шла речь. Они буквально представляют действие, раскрывая его сюжет и подробности. В так называемом чистом танце (*нритта*) все мудры, составляющие неотъемлемую часть повествования, напротив, приобретают декоративную ценность и употребляются как "простое звучание". Кроме всего прочего, на основе кодификации с помощью четких символов (*хаста*/*мудра*: рука/печать) существует еще одна классификация приемов, называемая "*хаста прана*" (буквально: "жизнь рук"); в ней подразделяются основные позиции, в которых может оказаться рука <…> Именно эта выверенная пульсация, производимая постоянной сменой мускульных напряжений, обеспечивая динамический переход от одного значения к другому придает жизненную силу рукам актера и смысловую наполненность его исполнению вне границ какой-либо жесткой культурной кодификации» (Барба, Саварезе, 2010: 195).

В этом отрывке уже всплывает термин пре-экспрессивность. Здесь второй пункт противопоставления: в восточной традиции нет четкого разделения на специализации драматического, музыкального, балетного искусства, пантомимы. Авторы в своем рассмотрении преодолевают этот разрыв с «легкостью необыкновенной», не оставляя выбора – приходится принять способ их мышления как данность: «Все эти различия более или менее относительны, причем не только для нас. А потому пусть читатель не удивляется, что говоря о драматическом актере или о танцовщике, я не делаю между ними различия, равно как не усматриваю особой разницы в традициях Востока и Запада. <…> Жесткое разграничение театра и тан-

ца, свойственное нашей культуре, свидетельствует о глубоком разрыве с предыдущей традицией, из-за которого современный драматический исполнитель чуть что рискует обречь свое тело на абсолютное молчание, а балетный актер – на сухую виртуозность. Напротив, подобное разграничение покажется совершенно абсурдным азиатскому актеру (настолько же, насколько оно показалось бы бессмысленным европейскому лицедею иных эпох, например, жонглеру раннего Средневековья или комедианту XVI века). Мы можем спросить у актера театра Но или Кабуки, как бы он перевел слово «энергия» на язык своего ремесла, но если мы попытаемся выяснить, в чем разница между театром и танцем, он только покачает головой» (Барба, Саварезе, 2010: 12).

«Словарь» населен множеством ассоциаций между сторонами воображаемого водораздела «Запад-Восток»; его авторы стремятся обнаружить подобные ассоциации на всех уровнях организации театрализованного зрелища: от элементарных геометрических, навеянных отдельными позами или жестами вне контекста, до полноценных «театрально-исторических» образований (с «нашей» стороны Барба сотоварищи ссылаются прежде всего на Комедию дель артэ, поскольку с исчезновением этой формы представления в 18 веке, если доверять авторам, как раз и связаны разделение на актеров/танцовщиков в Европе). Подтачивая, растушевывая эту границу, они отчасти смещают ее из области культурного антагонизма в область, так сказать, процессуальную, ситуацию «длящейся традиции», которая основывается на сложном взаимодействии учитель-ученик, непосредственной передаче уникальных и практических знаний (и здесь тоже находятся свои ассоциации), что, собственно, и позволяет использовать в подзаголовке «Словаря» слово «тайное». На противоположной же стороне, соответственно, оказывается прерывание «длящегося».

Мне кажется важным отметить, что Э. Барба и Н. Саварезе предостерегают от идеализации и мифологизации далёких как во времени так и пространстве форм театральности, будь то Комедия дель артэ, Древнегреческий театр или восточные представления во всём их многообразии (Барба, Саварезе, 2010: 33, 91). В этом смысле просто замечателен исторический казус, лежащий в основе одного из эффектных приемов театра Кабуки: актер замирает в «стоп-кадре» в пиковые моменты драматического напряжения – «обрезает *миэ*» (на сленге японских актеров). *Миэ* можно перевести как «указывать взглядом» (точный перевод – «видать»). Этот «стоп-кадр» должен зафиксировать состояние чрезмерного напряжения, в чем особую роль играет выражение лица и взгляд актера (для этого существует набор упражнений, тренирующих, собственно, смотрение). Дело в том, что раньше на вечерних представлениях в качестве освещения актера использовалась свеча, которой манипулировал служитель сцены с помощью приспособления в виде длинной жерди и чашечки. Таким образом, служитель не был виден, а актер практически всегда освещался – вот – в пределах света свечи, а поскольку почтенная японская публика во время представления в то время преимущественно занималась другим: пила чай, ела и беседовала, то исполнителям время от времени приходилось застывать в решающие моменты драмы, чтобы в этом полумраке до всех «докатился» накал момента и артистическая выразительность. Убогое освещение осталось в прошлом, а сам прием не отмер и оформился в органичную часть действа, и, сверх того, выступает свидетельством виртуозности исполнения. [3]

«”Биологический” уровень зрелища»[4]

В нашем умозрительном путешествии в антропологическое пространство

[3] (Барба, Саварезе, 2010: 64)
[4] (Барба, Саварезе, 2010: 7)

«Словаря», между тем, все заметнее вездесущий инструмент сценической работы – актерское тело. Сколь бы ни были актерские действия обусловлены «включенностью» в ту или иную знаковую или символическую систему, заданы неким кодом, интересны они здесь «низшим», физиологическим уровнем взаимодействий – мышц, сухожилий, суставов. Нетрудно заметить, что и походка «*суриаси*» и применение *мудр* и *миэ*, в этом смысле, крайне неудобны, они создают избыточные (относительно обыденных) напряжения на этом элементарном уровне. Их можно охарактеризовать и как результат разнонаправленных (в том числе противоположно направленных) мышечных усилий. И то, и другое для исполнителя – само по себе таит потенцию действия, для зрителя – создает ощущение динамизма, повторюсь, на элементарном уровне (как физического, даже биологического присутствия актера, так и восприятия зрителя – авторы, в частности, используют термин «пре-интерпретация»). А коль скоро драма – суть действие, а драматургия – действие в развитии, вполне разумно присмотреться к возможностям его (действия) проявления и на этом малом уровне. «Ловушка интерпретации»: понятые чисто умозрительно, эти потенции рискуют обернуться «физкультурой», а не сценическим искусством; только «кирпичики» для конструирования чего-то можно, увлекшись, принять за «дом». Вычленить их как отдельный элемент возможно только на уровне отвлечения, ибо наглядно, как процесс, бытие актерского тела (как психофизического явления) цельно и, кроме того, органически (в идеале) встроено в несравнимо более сложную, комплексную целостность художественного произведения. В этом отвлечении позволительно говорить о сценическом *биосе* (некотором факте биологического присутствия исполнителя) – состоянии, которое учитывает и «работает» с этими «кирпичиками»-возможностями внутри сценической ситуации. Этот сценический *биос* в каком-то смысле противоположен состоянию, определяющему повседневную, обыденную работу человеческого тела.

Чтобы определиться, в каком именно смысле можно с большей смелостью подойти к тому, что «Словарь» предлагает нам называть экстра-обыденной техникой владения телом, можно любой принцип существования в пределах театрального представления охарактеризовать как экстра-обыденный. Самое натуралистическое сценическое поведение никогда не будет идентичным поведению в обыденной жизни (в силу присутствия того самого «онтологического наблюдателя»); как минимум, оно будет необходимо подвержено «пропускам»: в жизни человеческий организм реагирует, зачастую одновременно, на множество раздражителей (в большинстве своем это микро-реакции, почти незаметные) – даже в моменты самых напряженных ситуаций мы, например, можем ощутить и параллельно отвлечься на легкое проявление сквозняка, незнакомый звук где-то вдалеке, урчание в собственном животе, внезапно пришедшую не относящуюся к делу мысль или образ из далекого прошлого, да просто почесать нос, что угодно (всё это едва заметные, но реальные изменения) – на подмостках большинство из них человек вынужден пропускать как лишние относительно сценического действия. Но экстра-обыденная техника должна обладать свойствами, не позволяющими, по слову Э. Барбы, обречь тело актера на безмолвие. Для этого она должна существовать в каком-то соотношении с техникой обыденного.

В «Словаре» для примера рассматривается такой ряд: обыденные техники повседневного поведения (обусловленные привычками, социальным и культурным контекстом), экстра-обыденная техника поведения на сцене и, третье, техника акробата или, как частность, исполнителя пекинской оперы. Последнее (акробатическая техника) является как бы проявлением «иного тела», непосредственно поражающего зрителя виртуозным использованием своих свойств (и остающегося на

уровне «физкультуры»), его непохожесть на обычное использование тела, так сказать, естественна. Напротив, непохожесть поведения внутри театрализованной драматической ситуации неестественна, она может порождать напряжения в процессе восприятия, «возмущать» коммуникативное поле между исполнителем и публикой, которое так или иначе всегда возникает. И как раз способность использования этого «возмущения», этих «живых напряжений» как одно из свойств экстра-обыденной техники открывает какие-то сценические возможности в некоторой свободной, трансграничной перспективе. «Например, в театре Но второй исполнитель – *ваки* – часто воплощает собственное несуществование, то есть отсутствие действия. С этой целью он прибегает к комплексной методике экстра-обыденной техники тела, которая “должна послужить не для воплощения чего-либо, а для того, чтобы сделалась заметной неспособность что-либо выразить”. С подобным же отрицательным свойством мы сталкиваемся в тех эпизодах Но, где главный персонаж, *ситэ*, должен исчезнуть. И вот актер, перестав быть персонажем, но не прибегая к пластике обыденных телодвижений, отдаляется от зрителей – без желания что-либо им внушить, но с теми же энергетическими затратами, как и в моменты активного участия в действии» (Барба, Саварезе, 2010: 10).

Этот пример заодно иллюстрирует базовый принцип, отражающий «перевернутость» экстра-обыденного поведения – избыточность (неоправданную в повседневности) энергетических затрат для выполнения даже простых действий. Это не подразумевает обязательно повышенную интенсивность телодвижений; скорее, наоборот. Собственно, в поиске простых, разнонаправленных мышечных напряжений, помогающих в этом жестов и поз, отыскиваются «центры энергетической работы». Для этого – *суриаси*, *мудры* и *миэ*. Главный «генератор напряженностей» актерского тела – позвоночник. Являясь центром, соединяющим эти усилия, он еще и организует их в масштабе целого организма. Хорошим «топливом» в этом процессе ему служит работа с равновесием – стремление к положениям неустойчивого равновесия, когда, нарушив баланс тела, чтобы не потерять его совсем, волей-неволей приходится «запустить» обратную силу. Этот несложный принцип ещё более наглядно проявляет то, что мы уже мельком затрагивали – динамизм, присущий природе сценического. Кроме того, сам позвоночный столб доступен для деформаций, являющихся источником «динамической формы» тела. «В Индии принцип оппозиции принимает весьма характерные формы как в танце, так и в фигуративных искусствах; его называют “три дуги”. Тело танцовщика приобретает контур латинской буквы “S” (голова, корпус, ноги) и оказывается в шатком равновесии, порождая очаги нового мускульного напряжения и создавая экстра-обыденную архитектуру тела» (Барба, Саварезе, 2010: 101; ср.: Barba, 1998). Принцип оппозиции уже может «развертываться» во времени, переходя в «танец оппозиций» (как его называют авторы), который, в сущности, способен стать фундаментом полноценное существование артиста. «Когда западный актер хочет выглядеть энергичным, когда он стремится выплеснуть всю свою энергию, он начинает перемещаться по сцене с максимальной витальностью. Он активно жестикулирует, его мускулы интенсивно напрягаются. Всё это ассоциируется с представлением об «усилиях», о «тяжком труде». Азиатский актер (или крупный западный мастер) может затрачивать гораздо больше сил, почти не двигаясь при этом. Его усталость будет обусловлена не чрезмерной сценической витальностью и жестикуляцией, но игрой разнонаправленных импульсов (оппозиций). Его тело заряжается энергией, поскольку в нем возникает множество напряжений от разницы потенциалов, и это придает ему жизненность, делает его присутствие ощутимым, даже когда движения медленны, а то и в моменты кажущейся неподвижности. Танец оп-

позиций разыгрывается внутри тела, прежде чем вырваться вовне» (Барба, Саварезе, 2010: 13, 14).

К актерскому присутствию

Мы остаемся на элементарном, «биологическом» уровне рассмотрения именно потому, что он в ряду других уровней организации актерской работы (авторы выделяют три таковых: первый обусловлен индивидуальными опытом и набором «личностных» и психологических характеристик; второй задает способы проявления, исходящие из социокультурного контекста; третий основывается на использовании физиологических свойств – объект нашего конкретного интереса) не зависит от эпохи или состояния культуры, свойственен всем исполнителям (Барба, Саварезе, 2010: 7). Именно на нем, прежде всего, стоит пытаться выявить принципы, лежащие в основе сценической ситуации, в их применимости к работе над любым видом зрелища. Это попытка действительно нащупать материальные основы актерского сценического искусства. Речь не идет о выработке специального «эстетизированного поведения» (хотя постфактум это может считываться именно так), а скорее, о специфической простейшей взаимосвязи сцены и повседневности. Сценический *биос* исполнителя тогда можно рассматривать как эквивалент безусловной данности человеческого тела. Они противопоставлены по принципу затрат энергии: если наше повседневное тело (как раз в виду его безусловной данности) стремится к эффективному расходованию энергии – чем меньше затрат на выполнение задачи, тем лучше (в каком то смысле, оно, получается, мешает нам: вот бы совсем не затрачивать силы на решение задач!), то сценическое тело находит себя в тяге к ее избыточному выплеску. Момент переключения между этими «режимами» не очень очевиден – дело не в волевом усилии, точнее, не только в нем (в каких-то точках оно может и мешать), это вопрос комплекса порой совсем неочевидных усилий (и расслаблений). С этой целью, как мне видится, авторы и вводят термин пре-экспрессивности, выделяют сферу пре-экспрессивности как некоторый операционный уровень. «Пре-экспрессивный уровень включает решение задачи, как сделать сценически живой актерскую энергию, то есть как она может превратиться в присутствие, самым непосредственным образом завоевывающее внимание зрителя. Вот где область изысканий театральной антропологии. Такой пре-экспрессивный субстрат включается как элемент в ту целостность, что называется экспрессией, и завоевывает внимание зрителя. Однако если в процессе подготовки роли всё рассматривать по отдельности, актер может вмешиваться в свою работу над ролью именно на этом пре-экспрессивном уровне. *Как если бы*, пока длится такое вмешательство, главной целью становились бы энергия, присутствие, сценический *биос* и их проявления, а не тот смысл, который во всём этом таится» (Барба, Саварезе, 2010: 119).

Мы добрались, наконец, до «онтологического» центра театральной антропологии – актерского *присутствия*, в котором дает себя знать событийность сценического существования актера. Этот термин (использовавшийся еще К.С. Станиславским, ср.: (Аронсон, 2007)) – интригующий и семантически туманный, легко подверженный переинтерпретациям, – есть когнитивный образ качества актерского бытия. В сценическом присутствии – взаимодействие сторон, преодолевающих банальность миметического; в этом присутствии дает себя знать запрет на превращение актера в знаковую или символическую функцию. В онтологическое перспективе «Словаря театральной антропологии» – разговор о проявлениях сценического человека не как автономного носителя абстрактных театральных смыслов, или, страшно сказать, не как инструмента спектакля, «технически воспроизводимого» (ср.: (Беньямин, 1996)) произведения искусства, в котором инструмент нуждается в правильном использовании, но как само-

стоятельное явление, указующее на некоего рода иное, «обратное» жизненной реальности и само реальное актерское бытие.

Литература

Аронсон, О.В. Неоконченная полемика: биомеханика Мейерхольда или психотехника Станиславского? // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 1/4. М.: РГГУ, 2007. С. 410–423.

Барба, Э. Бумажное каноэ: Трактат о Театральной Антропологии. СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2008. 304 с.

Барба Э., Саварезе Н. Словарь театральной антропологии: тайное искусство исполнителя / пер. И. Васюченко, М. Даксбури-Александровской, Г. Зингера, Е. Кузиной. Москва: Артист. Режиссер. Театр, 2010. 318 с.

Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 240 с.

Золотухин, В. «Словарь театральной антропологии» Эудженио Барбы: рецензия [Электронный ресурс] URL: http://os.colta.ru/theatre/events/details/20566 (дата обращения: 05.05.2019).

Кухта, Е. Театральная антропология как понимает ее Эуженио Барба // Петербургский театральный журнал. 2002. № 2 (28) [Электронный ресурс] URL: http://ptj.spb.ru/archive/28/teachers-28/teatralnaya-antropologiya-kakponimaeteeeuzheniobarba (дата обращения: 10.05.2019).

Новик, Ю.О. Антропологические основания концепции «театральной антропологии» Э. Барбы // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2019. № 2 (61). С. 100–113.

Отан-Матье, М-К. Первопроходцы театральной антропологии [Электронный ресурс] URL: http://nrgumis.ru/articles/147/ (дата обращения: 10.05.2019).

Поппер, К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна; пер. с англ. Д.Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Садовского; послесл. В.К. Финна. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 94–105.

Стоппард, Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10.05.2019).

Шестакова, А.В. Феномен «театральной антропологии» в европейской культуре второй половины XX века: автореф. … канд. филос. наук. М., 2008 [Электронный ресурс] URL: http://cheloveknauka.com/fenomen-teatralnoy-antropologii-v-evropeyskoy-kulture-vtoroy-poloviny-xx-veka (дата обращения: 09.05.2019).

Barba, E. How to die standing // Total theatre. 1998. Vol. 10. No 3 [Online] URL: https://www.academia.edu/9501428/How_To_Die_Standing_-_Carran_Waterfield_interviews_Eugenio_Barba_1998 (дата обращения: 01.03.2019).

Barba, E. The paper canoe. A Guide to Theatre Anthropology / Translated by Richard Fowler [Online] URL: http://asset.soup.io/asset/0826/4375_63b2.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

References

Aronson, O.V. (2007), “The unfinished polemic: Meyerhold's biomechanics or Stanislavsky's psychotechnics?”, *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy. Vypusk 1/4* [Russian anthropological school. Works. Issue 1/4], (1/4), RSUH, Moscow, Russia, 410-423 (in Russ.).

Barba, E. (1998), “How to die standing”, *Total theatre*, 10 (3), [Online], available at: https://www.academia.edu/9501428/How_To_Die_Standing_-_Carran_Waterfield_interviews_Eugenio_Barba_1998 (Accessed 01 March, 2019).

Barba, E. (2008), *Bumazhnoe rfnoe: traktat o teatral’noy antropologii* [The paper canoe. A Guide to Theatre Anthropology], Translated by Fowler, R., SPbGATI, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Barba, E. *The paper canoe. A Guide to Theatre Anthropology*, Translated by Fowler, R. [Online], available at: http://asset.soup.io/asset/0826/4375_63b2.pdf (Accessed: 01 March, 2019).

Barba, E., Savarese, N. (2010), *Slovar’ teatral’noy antropologii: taynoe iskusstvo ispolnitelya* [Dictionary of theatre anthropology: the secret art of the performer], Translated by Vasyuchenko, I., Artist. Rezhysser. Teatr, Moscow, Russia (in Russ.).

Benjamin, Walter (1996), *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [A work of art in the era of its tech-

nical reproducibility], Medium, Moscow, Russia (in Russ.).

Kukhta, E. (2002), "Theatrical anthropology as it understood by Eugenio Barba", *Peterburgskiy teatral'niy zhurnal*, [Petersburg theatre magazine], 2 (28) [Online], available at: http://ptj.spb.ru/archive/28/teachers-28/teatralnaya-antropologiya-kakponimaeteeeuzheniobarba (Accessed 10 May, 2019) (in Russ.).

Novik, Y.O. (2019), "Anthropological foundation of the E. Barba's theatre anthropology concept", *Vestnik Akademii russkogo baleta imeni A.Ya. Vaganovoy* [Bulletin of Vaganova Ballet Academy], 2 (61), 100-113 (in Russ.).

Otan-Mat'e, M.-K. *Pervoprokhodtsy teatral'noy antropologii* [Pioneers of theatrical anthropology] [Online], available at: http://nrgumis.ru/articles/147/ (Accessed: 10 May, 2019) (in Russ.).

Popper, K. (2000), The Logic of Social Sciences, *Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences*, Editorial URSS, Moscow, Russia, 94-105 (in Russ.).

Shestakova, A.V. (2008), "*The phenomenon of "theatrical anthropology" in the European culture of the second half of the XX century*", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia [Online], available at: http://cheloveknauka.com/fenomen-teatralnoy-antropologii-v-evropeyskoy-kulture-vtoroy-poloviny-xx-veka (Accessed 09 May, 2019) (in Russ.).

Stoppard, T. Rosencrantz i Guildenstern mertvy [Rosencrantz and Guildenstern are dead] [Online], available at: http://lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g.txt_with-big-pictures.html (Accessed: 10 May, 2019) (in Russ.).

Zolotukhin, V., *Slovar' teatral'noy antropologii Eugenio Barby: retsenziya* ["A dictionary of theatre anthropology" of Eugenio Barba: review] [Online], available at: http://os.colta.ru/theatre/events/details/20566 (Accessed: 05 May, 2019) (in Russ.).

***Информация о конфликте интересов**: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

***Conflict of Interests**: author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Купчичев Сергей Сергеевич, актер Белгородского государственного академического театра драмы им. М. С. Щепкина, Соборная пл., д. 1, г. Белгород 308000, Россия; *shamansss@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey S. Kupchichev, an actor of Belgorod State Academic Drama Theater behalf of M. S. Schepkina, 1 Cathedral Sq., Belgorod 308000, Russia; *shamansss@mail.ru*